

Дионисий Ареопагит **О Божественных именах**

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Какова цель сочинения и каково предание о божественных именах

Глава вторая. О соединенном и раздельном богословии, и что такое божественные соединение и разделение

Глава третья. В чем заключается сила молитвы, о блаженном Иерофее, о благоговении и о богословском сочинении

Глава четвертая. Об именах «Добро», «Свет», «Красота», «Любовь», «Экстаз», «Рвение», о том, что зла не существует, что оно не от Сущего и не в числе сущих

Глава пятая. Об имени «Сущий», в ней же и о первообразах

Глава шестая. Об имени «Жизнь»

Глава седьмая. Об именах «Премудрость», «Ум», «Слово», «Истина», «Вера»

Глава восьмая. Об именах «Сила», «Справедливость», «Спасение», «Избавление»; в ней же о неравенстве

Глава девятая. Об именах «Великий», «Малый», «Тот же», «Другой», «Подобный», «Неподобный», «Покой», «Движение», «Равенство»

Глава десятая. Об именах «Вседержитель» и «Ветхий денми», и здесь же о вечности и о времени

Глава одиннадцатая. Об имени «Мир», о том, что означает «Само-по-себе-бытие», что такое «Сама-по-себе-жизнь», «Сама-по-себе-сила» и другое, таким образом выражаемое

Глава двенадцатая. Об именах «Святое святых», «Царь царей», «Господин господ», «Бог богов»

Глава тринадцатая. Об именах «Совершенный» и «Единый»

Глава первая

Какова цель сочинения, и каково предание о божественных именах

Губы в сверкающий ум погрузив, начертанные Богом,

Ты превозносишь священных имен красоту,

и по смерти Живопремудрою речью поя богогласные гимны.

Сосвященнику Тимофею священник Дионисий

1. А теперь, о блаженный, после «Богословских очерков», перейдем к разъяснению, насколько это возможно, божественных имен. И да будет у нас правилом обнаруживать истинный смысл того, что говорится о Боге, «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении движимой духом силы» ((ср. [1Кор. 2, 4](#))) богословов, каковое невыразимо и непостижимо соединяет нас с невыразимым и непостижимым гораздо лучше, чем это доступно нашей словесной и умственной силе и энергии.

Совершенно ведь не подобает сметь сказать или подумать что-либо о сверхсущественной и сокровенной божественности помимо того, что боговидно явлено нам священными Речениями. Ведь неведение ее превышающей слово, ум и сущность сверхсущественности должны посвящать ей те, кто устремляется к горнему – насколько сияние богоначальных Речений открывает себя, и кто ради высших осияний облакает свое стремление к божественному целомудрием и благочестием. Ибо, если необходимо хоть сколько-нибудь верить всеумудрому и истиннейшему богословию, божественное открывает себя и бывает воспринимаемо в соответствии со способностью каждого из умов, причем богоначальная благодать в спасительной

справедливости подобающим божеству образом отделяет безмерность как невместимую от измеримого.

Как для чувственного неуловимо и невидимо умственное, а для наделенного обликом и образом простое и не имеющее образа, и для сформированного в виде тел неосязаемая и безвидная бесформенность бестелесного, так, согласно тому же слову истины, выше сущностей находится сверхсущественная неопределенность, и превышающее ум единство выше умов. И никакой мыслью превышающее мысль Единое непостижимо; и никаким словом превышающее слово [Добро](#) не выразимо; Единица, делающая единой всякую единицу; Сверхсущественная сущность; Ум непомыслимый; Слово неизрекаемое; Бессловесность, Непомыслимость и Безымянность, сущая иным, нежели все сущее, образом; Причина всеобщего бытия, Сама не сущая, ибо пребывающая за пределом всякой сущности, – как Она Сама по настоящему и доступным для познания образом, пожалуй, может Себя открыть.

2. Итак, не подобает, как было сказано, сметь сказать что-либо или подумать об этой сверхсущественной и сокровенной божественности помимо того, что боговидно изъяснено нам священными Речениями. Ибо какое бы то ни было понимание и созерцание ее – как она сама подобающим Добру образом сообщила о себе в Речениях – недоступно для всего сущего, так как она сверхсущественно за пределами для всего. И ты найдешь, что много богословов воспели ее не только как невидимую и необъемлемую, но и как недоступную для исследования и изучения, потому что нет никаких признаков того, чтобы кто-то проник в ее сокровенную безграничность.

Однако же [Добро](#) не совершенно непричастно ничему из сущего, но, воздвигнув только в Себе Самом источник Своего сверхсущественного света, Оно приличествующим Добру образом проявляется осияниями, соразмерными каждому из сущих, и возвышает до возможного созерцания, приобщения и уподобления Ему священные умы, насколько позволительно, подобающим священному образом устремляющиеся к Нему, не дерзающие в самоуверенной расслабленности на высшее, чем следует, богоявление и не соскальзывающее немощно вниз, к худшему, но крепко стоящие и неуклонно устремляющиеся к сияющему им свету, со священным благочестием целомудренно и божественно окрыляемые соизмеримой любовью допущенных осияний.

3. Повинуясь этим богоначальным узам, управляющим всеми святыми порядками сверхнебесных сущностей, чти превышающую ум и сущность тайну Богоначалия священным не дерзающим на исследование умственным благочестием, неизреченное же – целомудренным молчанием, мы устремляемся навстречу лучам, сияющим нам в священных Речениях, их светом ведомые к богоначальным песнопениям, ими мирно просвещаемые, вдохновляемые на священные песнословия, на созерцание соразмерно нам даруемых ими богоначальных светов, на воспевание благодатного Начала всяческого священного светоявления так, как Оно Само выразило Себя в священных Речениях. Например, – что Оно Причина всего, Начало, Сущность и Жизнь; отпадающих от Него призвание и восстановление; соскользнувших к тому, что губит божественный образ, поновление и формирование заново; колеблющихся от какого-нибудь нечестивого потрясения священное утверждение; безопасность устоявших; руководство, помогающее восходящим взойти к Нему ввысь; просвещаемых осияние; посвящаемых священноначалие; обоживаемых Богоначалие; опрощаемых простота; объединяемых единство; сверхначальное сверхсущностное начало всякого начала; добрый податель сокровенного, насколько это возможно; и просто сказать, [Жизнь](#) живущего и Сущность су-

шествующего, всякой жизни и сущности Начало и Причина в силу Своей вводящей сущее в бытие и поддерживающей его там благодати.

4. Этому мы научены божественными Речениями. И ты найдешь, что всякое, можно сказать, священное песнословие богословов, изъясняя и воспевая благодетельные выступления Богоначалия, приуготовляет божественные имена. Так, мы видим, что почти во всяком богословском сочинении Богоначалие священо воспевается или как Монада и Единица – по причине простоты и единства сверхестественной неделимости, коей как единящей силой мы соединяемы, и наши частые различия сверхмирно объединяемы, и мы собираемы и боговидную монаду и богоподобное единство; или как Троица – по причине триипостасного проявления сверхсущественной плодovitости, из которой происходит и согласно которой «именуется всякое отечество на небе и на земле» ([Ефес. 3, 15](#)); или как Причина всего сущего, поскольку все было приведено в бытие благодаря Ее сотворяющей сущности благодати; или как Премудрое и Прекрасное – как сохраняющее все сущее, не нарушая его собственной природы, и как исполненное всяческой божественной гармонией и священной красотой; в особенности же как Человеколюбивое, поскольку Оно поистине и полностью одной из Своих ипостасей приобщилось нашей природы, тем самым призвав к Себе и возвысив человеческую удаленность, из которой и был неизреченно составлен единый Иисус, и тем самым протяженность времени воспринял Вечный, и внутри нашей природы оказался сверхсущественно Превзошедший всякий порядок всякой природы, сохраняя пребывалище Своих свойств неизменным и неслиянным. И остальные, сколько их есть, божественно воздействующие свету изъяснительно даровало нам тайное предание наших боговдохновенных руководителей. В этом и мы были наставлены, насколько это возможно для нас теперь – посредством священных завес свойственного Речениям и священноначальным преданиям человеколюбия, окутывающего умственное чувственным, сверхсущественное существующим, обволакивающего формами и видами бесформенное и не имеющее вида, сверхестественную же лишенную образа простоту разнообразными частными символами умножающего и изображающего. А тогда, когда мы станем нетленными и бессмертными и сподобимся блаженнейшего свойственного Христу покоя и "всегда, – согласно Речению, – с Господом будем» ([1Фес. 4, 17](#)), тогда мы будем исполняться видимого богоявления в пречистых видениях, озаряющих нас светлейшим сиянием, как учеников во время того божественнейшего Преображения, бесстрастным и нематериальным умом причащаясь Его умственного светодаяния и превосходящего ум соединения, когда неведомым и блаженным образом – в божественнейшем подражании сверхнебесным умам – мы окажемся достижимы для пресветлых лучей, ибо, как говорит истина Речений, мы будем «равны ангелам» и «сынами Божиими, будучи сынами воскресения» ([Лк. 20, 36](#)). Ныне же мы, насколько нам возможно, пользуемся, говоря о божественном, доступными нам символами, а от них по мере сил устремляемся опять же к простой и соединенной истине умственных созерцаний, и после всякого свойственного нам разумения боговидений, прекращаем умственную деятельность и достигаем, по мере возможности, сверхсущественного света, в котором все пределы всех разумов в высшей степени неизреченно предсуществуют, какой свет ни помыслить, ни описать, ни каким-либо образом рассмотреть невозможно, поскольку он за пределами всего, сверхнепознаваем и сверхсущественно содержит в себе прежде осуществления границы всех осуществленных разумов и сил и всё вообще непостижимой для всего, пребывающей выше сверхнебесных умов, силой. Ведь если всякое познание

связано с сущим и имеет в сущем предел, то находящееся за пределами сущности находится и за пределами всякого познания.

5. И если Оно превосходит всякое слово и всякое знание и пребывает превыше любого ума и сущности, все сущее объемля, объединяя, сочетая и охватывая заранее, Само же будучи для всего совершенно необъемлемо, не воспринимаемо ни чувством, ни воображением, ни суждением, ни именем, ни словом, ни касанием, ни познанием, как же мы можем написать сочинение «О божественных именах», когда сверхсущественное Божество оказывается неназываемым и пребывающим выше имен?

Но, как мы сказали в «Богословских очерках», о Едином, Непознаваемом, Сверхсущественном, Самом-по-себе-добре, какое Оно только может быть, – я имею в виду троичную, равную в божестве и в добре Единицу, – ни сказать, ни помыслить невозможно. Но и ангелоподобные соединения святых сил, каковыи следует назвать либо явлениями, либо передачами сверхнепознаваемой и пресветлой Благости, ни речи, ни познанию не подлежат и бывают ведомы лишь ангелам, удостоенным того, что выше их ангельского знания.

С таковым соединяющиеся, подражая по возможности ангелам, боговидные умы – поскольку по прекращении всяческой умственной деятельности происходит соединение обожаемых умов со сверхбожественным светом – воспевают это самым подходящим образом путем отрицания всего сущего, – до такой степени будучи поистине и сверхъестественно просвещены блаженнейшим соединением с тем, что является Причиной всего сущего, Само же – Ничем, как всему сверхсущественное запредельное.

Богоначальная сверхсущественность, каково бы ни было сверхбытие сверхблагости, не должна воспеваться никем, кто любит Истину, превышающую всякую истину, ни как слово или сила, ни как ум, или жизнь, или сущность, но – как всякому свойству, движению, жизни, воображению, мнению, имени, слову, мысли, размышлению, сущности, состоянию, пребыванию, единству, пределу, беспредельности, всему тому, что существует, превосходительно запредельная. Поскольку же, будучи бытием Благости, самим фактом своего бытия Она является причиной всего сущего, богоначальный промысел Богоначалия следует воспевать, исходя из всего причиненного Им, потому что в Нем – все и Его ради, и Он существует прежде всего, и все в Нем состоялось, и Его бытие есть причина появления и пребывания всего, и Его все желает: умные и разумные – разумно, низшие их – чувственно, а остальные либо в соответствии с движением живого, либо как вещества, соответствующим образом приспособленные **к существованию**.

6. Зная это, богословы и воспевают Его и как Безымянного, и как сообразного всякому имени. Он безымянен, говорят, потому что Богоначалие сказало в одном символическом богоявлении из разряда таинственных видений, упрекая спросившего «Каково имя Твое?» и как бы отводя его от всякого знания Божьего имени: «Почему ты спрашиваешь имя Мое? Оно чудесно» ([Быт. 32, 29](#)). И не является ли поистине удивительным такое имя, которое «выше всякого имени» ([Флп. 2, 9](#)), – неназываемое, пребывающее «превыше всякого имени, именуемого и в этом веке и в будущем» (ср. [Ефес. 1, 21](#))?

Многоименен же Он потому что при этом Его представляют говорящим: «Я есмь Сущий» ([Исх. 3, 14](#)), "Жизнь" ([Ин. 14, 6](#)), "Свет" ([Ин. 8, 12](#)), "Бог" ([Быт. 28, 13](#)), "Истина" ([Ин. 14, 6](#)), и в то же время те же самые богомудры воспевают Причину всего, заимствуя имена из всего причиненного Ею, как то: "Благой" ([Мф. 19, 17](#)), «Прекрасный» ([Пс. 26, 4](#)), "Мудрый", «Возлюбленный» ([Ис. 5, 1](#)), "Бог богов" ([Пс. 49, 1](#)), "Господь господ»

([Пс. 135, 3](#)), «Святая Святых», «Вечный» ([Втор. 33, 27](#)), "Сущий" ([Исх. 3, 14](#)), и «Причина веков», «Податель Жизни», «Премудрость» ([Притч. 9:1](#); [1Кор.1:30](#)), "Ум" ([1Кор. 2, 16](#)), "Слово" ([Ин. 1, 1](#)), «Сведущий», «Обладающий заранее всеми сокровищами всякого знания» ((ср. [Кол. 2, 3](#))), «Сила», «Властелин», «Царь царствующих», «Ветхий денми» ([Дан. 7, 9](#)), «Нестареющий и Неизменный», «Спасение», «Справедливо» ((ср. [Иер. 23, 6¹](#), оправдание. – Редакция «Азбуки Веры»)), «Освящение» ([1Кор. 1, 30](#)), «Избавление» ([1Кор. 1, 30](#)), «Превосходящий всех величием» и сущий «В дыхании тонком». Говорят также, что Она в умах, в душах, в телах, в небе и на земле, вместе с тем Сама в Себе, в мире, вокруг мира, над миром, над небом, над сущим; Ее называют солнцем, звездой, «огнем», «водой», «духом», росой, облаком, самоцветом, камнем, всем сущим и ничем из сущего.

7. Таким образом, ко всеобщей все превышающей Причине подходит и анонимность, и все имена сущего как к настоящей Царице всего, от Которой все зависит и Которой все принадлежит как Причине, как Началу, как Завершению. В соответствии с Речением, Она является «всем во всем», и Она по праву воспевается как Основа всего, все начинающая, доводящая до совершенства и сохраняющая, защита всего и очаг, к Себе все привлекающая и делающая это объединение, неудержимо и запредельно. Ибо Она – Причина не только **связи**, жизни, или совершенства, чтобы всего лишь от одного или другого из этих попечении называться Сверхименной благостью: все сущее Она заранее просто и неограниченно содержала в Себе все приводящими в исполнение благостями единого Своего Беспричинного промысла, и всеми существами но нраву и воспевается и называется.

8. Таким образом, богословы заимствуют имена для Нее не только от всеобщих или частных промыслов, или предметов предпочтения, но и из некоторых божественных видений, озаривших посвященных или пророков в священных храмах или в других местах. Превосходящую и всякое имя Благость они называют именами то одной, то другой причины и силы, придавая Ей то человеческие, то огненные, то янтарные формы и вид, воспевая Ее "очи" (([Пс.90:8, 11:4²](#). – Редакция «Азбуки Веры»)), "уши" ([Иак.5,4](#)), "волосы" ([Дан. 7, 9](#)), «лицо» ([Пс. 33, 17](#)), "руки" ([Иов 10, 8](#)), «спину», «крылья» ([Пс. 90, 4](#)), «плечи» ([Пс. 90, 4](#)), «зад» ([Втор. 33, 23](#))³ и «ноги» ([Втор. 24, 10](#))⁴. Они снабжают Ее венками ([Откр. 14, 14](#)), престолом ([Иез. 1, 26](#)), кубками, чашами ([Пс. 74, 9](#); [Притч. 9, 2–3](#)) и другими полными таинственного смысла вещами, о которых мы скажем, по мере сил, в «Символическом богословии». А теперь, собрав из Речений то, что имеет отношение к настоящему сочинению, и пользуясь сказанным, как неким правилом, взирая на него, перейдем к раскрытию умопостигаемых Божьих имен. И, как того требует иерархический устав, всякий раз, когда мы богословствуем, мы должны зрящей Бога мыслью созерцать в полном смысле слова являющие Бога видения и созерцание и священные уши подставлять разъяснениям священных Божьих имен, на святом святом, согласно божественному преданию, основывая, ограждая его от насмешек и глумления непосвященных, главное же, если только вообще найдутся такие люди, избавляя их тем самым от богоборства.

И тебе, о добрый Тимофей, надо оберегать себя от таких вещей, следуя священнейшему правилу не говорить и не показывать непосвященным ничего божественного. Мне же да даст **Бог** боголепно воспеть добродейственную многоименность неназываемой и именуемой божественности и да не отнимет «слово Истины» от уст моих.

Глава вторая

О соединенном и раздельном богословии, и что такое божественные соединение и разделение

1. Как цельное богоначалное бытие определяющая и изъясняющая, чем бы то ни являлось, воспета Речениями Сама-по-себе-благодать. Ибо можно ли извлечь из священного богословия что-то иное, когда оно говорит, что этому научило само Богоначалие, сказав: «Что ты спрашиваешь Меня о благодати? Никто не благодать, кроме единого Бога» (ср. [Мф. 19, 17](#)).

Как было изложено и разъяснено нами в другом месте, все приличествующие Богу имена всегда воспеваются Речениями как относящиеся не к какой-то части, но ко всей божественности во всей ее целостности, всеобщности и полноте, и все они нераздельно, абсолютно, безусловно и всецело применимы ко всей цельности всецельной и полной божественности. И если, как мы отмечали в «Богословских очерках», кто-то станет утверждать, что это сказано не обо всей божественности, тот безосновательно дерзнет хулить и делить сверхсоединенную Единицу.

Подобает, таким образом, говорить, что это относится ко всей божественности. Ведь Само благоприродное Слово сказало: «Я добр» (ср. [Мф. 20, 15](#); [Ин. 10, 11](#)), а один из боговдохновенных пророков воспевает Дух как благодать ([Пс. 142, 10](#)). И опять же, если скажут, что слова «Я есмь Сущий» ([Исх. 3, 14](#)) относятся не ко всей божественности, но лишь к одной ее части, то как же они воспримут слова: «Это говорит Сущий, который был и грядет, Вседержитель» ([Откр. 1, 8](#)) и «Ты же пребываешь» ([Пс. 101:27](#)), а также «Дух истины», «Сущий», «от Отца исходящий» ([Ин. 15, 26](#)).

И если Жизненачалие не целостно, как они говорят, то может ли быть истинным священное слово, гласящее: «Как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет кого хочет» ([Ин. 5, 21](#)), и – что «Дух животворит» ([Ин. 6, 63](#)). Поскольку же вся божественность господствует надо всем, я полагаю, невозможно сказать – касается ли то Богородящей божественности, или Сыновней, – сколько раз богословие говорит «Господь» об Отце и сколько раз о Сыне. Но Господом является также и Дух (ср. [2Кор. 3, 17](#)).

Имена «Добро», «Мудрость» применяются ко всей божественности; равно и имена «Свет», «Боготворящий», «Причина» и все, что принадлежит всему Богоначалию, включается Речениями во всякое богоначалное славословие – и в сжатом виде, например: «Все от Бога» ([1Кор. 11, 12](#)), и пространным образом, например: «Все через Него и в Нем было создано» (ср. [Ин. 1, 3](#); [Рим. 11, 36](#)), «Все в Нем составилось», «Пошлешь Духа Твоего, и созиждутся» ([Пс. 103, 30](#)). И можно сказать одним словом, как сказало Само богоначалное Слово: «Я и Отец едины» ([Ин. 10, 30](#)) и «Все, что имеет Отец, Мое» и «Все Мое Твое, и Твое Мое» (ср. [Ин. 16, 15](#)).

И, опять же, принадлежащее Отцу и Ему он прилагает как общее достояние в равной степени также к богоначалному Духу, как то: божественные дела, святыня, источающая и неоскудевающая причина и раздаяние благолепных даров. И, я думаю, никто из тех, кто вскормлен неразвращенными мыслями божественных Речений, не станет спорить с тем, что, по богосовременному Слову, все приличествующее божественности присуще Богоначалию во всей его полноте.

Итак, сказав здесь об этом вкратце и отчасти, а в другом месте достаточно с помощью Речений показав и установив, какое целостное богоименование предстоит нам разъяснить, будем применять его ко всей полноте божественности.

2. Если же кто-нибудь скажет, что тем самым мы привносим слияние в боголепное разделение, мы не сочтем такой довод достаточным, чтобы его самого убедить в своей истинности. А если найдется кто-то, вообще противящийся Речениям, тот окажется совершенно далек и от нашей философии, и если уж он не заботится о том, чтобы извлечь для себя из Речений богомудрие, то зачем нам стараться обучить его богословскому знанию? Если же он обращает взгляд на истину Речений, то и мы, пользуясь этим мерилom и светом для ее защиты, будем, по мере наших сил, неуклонно шествовать, говоря, что богословие одно передает соединенно, а другое раздельно, и ни соединенное разделять не позволительно, ни разделенное сливать, но те, кто ему следует, должны по мере сил устремляться к божественным сияниям. И отсюда восприняв божественные изъяснения как некое прекраснейшее мерило истины, постараемся беречь тамошнее сокровище в самих себе, не прибавляя к нему, не убавляя от него и не извращая его, сбережением Речений оберегаемые и их сбережением обретая силу их оберегать.

3. Итак, объединяющие наименования относятся ко всецелой Божественности, что мы с помощью Речений более полно показали в «Богословских очерках». Таковы: «Сверхдоброе», «Сверхбожественное», «существенное», «Сверхживое», «Сверхмудрое»; а также все выражения отрицания, предполагающие превосходство; и все понятия причинности, как то «Благое», «Красота», «Сущее», «Порождающее жизнь», «Мудрое»; и все другие наименования, которые Причина всего благого получает по своим боголепным дарам.

Признаки же раздельности – сверхсущественные имена и особенности Отца, Сына и Духа: они никак не могут быть переставлены или использованы как полностью общие. Отдельным является, кроме того, совершенное и непреложное бытие Иисуса в нашей природе, а также все сопряженные с этим сущностные тайны человеколюбия.

4. Однако же, мне представляется, подобает нам вернуться назад, чтобы лучше объяснить образ божественного единства и различия, дабы все наше рассуждение было понятно, не держа ничего двусмысленного и неточного, раскрывая мысли по возможности четко, ясно и стройно.

Ибо, как мы говорили в другом месте, люди, посвященные в священные предания нашего богословия, божественным единством начинают сокровенные и неисходные сверхпребывания сверхнеизреченного и сверхнепознаваемого постоянства, разделенными же – боголепные выступления богочалия вовне и его изъяснения. Следуя священным Речениям, они говорят, что и у упомянутого единства, а также у разделения есть какие-то свои собственные соединения и разделения.

Так, в божественном единстве, то есть сверхсущественности, единым и общим для изначальной Троицы является сверхсущественное существование, сверхбожественная божественность, сверхблагая благодать, все превышающая, превосходящая какую бы то ни было особость тождественность, сверхъединоначальное единство, безмолвие, многогласие, неведение, всеведение, утверждение всего, отрицание всего, то, что превышает всякое утверждение и отрицание, присутствие и пребывание начальных ипостасей, если так можно сказать, друг в друге, полностью сверхобъединенное, но ни единой частью не слитное, подобно тому – если воспользоваться примером из чувственной и близкой нам сферы, – как свет каждого из светильников, находящихся в одной комнате, полностью проникает в свет других и остается особенным, сохраняя по отношению к другим свои отличия: он объединяется с ним, отличаясь, и отличается, объединяясь. И когда в комнате много светильников, мы видим, что свет

их всех сливается в одно нерасчленимое свечение, и я думаю, никто не в силах в пронизанном общим светом воздухе отличить свет одного из светильников от света другого и увидеть один из них, не видя другого, поскольку все они неслиянно растворены друг в друге.

Если же кто-нибудь вынесет какой-то один из светильников из дома, выйдет наружу и весь его свет, ни один из других светов с собой не увлекая и другим своего не оставляя. А ведь имело место, как я сказал, полнейшее соединение каждого из них с каждым другим, без какого-либо смещения и слияния каких бы то ни было составляющих их частей, причем свет был источаем нематериальным огнем в по-настоящему материальном теле, воздухе.

Поэтому мы говорим, что сверхсущественное единство превосходит не только единство в телесной среде, но даже единство душ и самих умов, которыми неслиянно и сверхмирно обладают при полном проникновении друг в друга боговидные сверхнебесные светы, благодаря участию, по мере их сил, во все превосходящем единстве.

5. Помимо того, что в самом единстве каждая из начальных ипостасей сохраняет, как я уже сказал, свое собственное бытие, не смешиваясь и не сливаясь с другими, сверхсущественные богословия говорят и еще об одном различии: не может быть повернуто наоборот все относящееся к сверхсущественному богорождению: единственным Источником сверхсущественной божественности является Отец, Сын же не есть Отец, и Отец не есть Сын; и гимны свято сохраняют особые хвалы для каждой из богоначальных ипостасей.

Вот признаки единения и деления, соответствующие невыразимым единству и отдельности. Если благолепный выход во-вне самой божественной сверхъединой Благости по причине Ее увеличения и переполнения – признак божественной делимости, то признаками единства являются: происходящее по божественном разделении безудержное наделение благами, созидание новых существ, их животворение, наделение их разумом и другие дары все причиняющей Благости, в соответствии с чем – по причастиям и причастующим – и воспевается непричастно Причастуемая.

И это присуще всей вообще, объединенной и единой Божественности – то, что Она каждым из причащающихся причащается вся, и никто не причащается лишь какой-то Ее части. Подобно этому, все находящиеся в окружности радиусы причастны ее центру, и оттиски печати имеют много общего с ее оригиналом: оригинал присутствует в каждом из отпечатков весь, и ни в одном из них – лишь какой-то своей частью. Непричастность же всепричинной Божественности превосходит и это, поскольку ни прикоснуться к Ней невозможно, ни других каких-либо средств для соединяющего с Ней приобщения причастующих не существует.

6. И если кто-нибудь скажет, что печать не во всех отпечатках видна целиком и одинаково, то этому не печать причина (поскольку она одна и та же во всех случаях): различие особенностей воспринимающего *материала* создает дефекты в оттисках одной и той же целой печати. Так, если материал окажется мягким, пластичным, гладким и восприимчивым, а не невосприимчивым и жестким, не рыхлым, не мятым, получится чистый, ясный и прочный оттиск. Если же какого-то из перечисленных свойств не достанет, это окажется причиной дефекта, неясности и негодности отпечатка и многого другого, что происходит при неудачном соприкосновении.

От общего благолепного действия Божия в нашей природе отдельно полное и истинное восприятие от нас нашей сущности, совершенное ради нас сверхсущественным Словом, и Его деяния и страдание, – лучшие, превосходные дела Его человеческого богодействия. Ведь Отец и Дух нисколько не соучаствовали в этом со Словом, если только кто-нибудь не скажет,

что лишь благодаря благолепному и человеколюбивому единству воли и общему высшему невыразимому богодействию совершил все это для нас Тот, Кто пребывает как [Бог](#) и Божье Слово неизменным. Подобно этому и мы стараемся, говоря, и соединить божественное, и разделять, поскольку само божественное и едино и разделяется.

7. Те боголепные причины видов единства и разделения, которые мы нашли в Речениях, мы по возможности изложили в «Богословских очерках», рассказав о каждой из них: одни из них раскрыв истинным словом и объяснив, обратив священный и незамутненный ум к светлым видениям Речений, а к другим, как к тайным – в соответствии с превышающим возможности умственного постижения божественным преданием – приобщившись.

Ведь все божественное, явленное нам, познается только путем сопричастности, а каково оно в своем начале и основании, – это выше ума, выше всякой сущности и познания. Так что, когда мы называем Богом, Жизнью, Сущностью, Светом или Словом сверхсущественную Сокровенность, мы имеем в виду не что другое как исходящие из Нее в нашу среду силы, боготворящие, создающие сущности, производящие жизнь и дарующие премудрость. Мы же приходим к Ней, лишь оставив всякую умственную деятельность, не зная никакого обожения, ни жизни, ни сущности, которые точно соответствовали бы запредельной все превосходящей Причине.

Также и то, что источником божественности является Отец, а Сын и Дух – произведения богородящей божественности, если так можно выразиться, побеги богорастения, своего рода цветы, или сверхсущественные светлы, мы восприняли из священных Речений. А каким образом это так, невозможно ни сказать, ни помыслить.

8. Вся сила нашей умственной деятельности дает нам способность понимать лишь то, что всякое представление о божественном Отечестве и Сыновстве дарованы и нам, и сверхнебесным силам запредельными всему Отценачалием и Сыноначалием, благодаря Которым боговидные умы становятся и называются богами, сыновьями Божьими, и отцами богов – речь идет, конечно, об отцовстве и сыновстве в духовном смысле, то есть о явлении бестелесном, нематериальном, умозрительном, богоначальный же Дух пребывает выше всякой умственной невещественности и обожения, и Отец и Сын в высшей степени запредельны всякому божественному Отечеству и Сыновству.

Нет ведь точного подобия между следствиями и причинами: следствия воспринимают образы причин, сами же причины для следствий запредельны и существуют выше их, согласно самому своему изначальному смыслу. Если воспользоваться примером из нашей жизни, то наслаждения и печали считаются причинами того, что человек наслаждается и печалится, сами же они не наслаждаются и не печалются. И о греющем и жгущем огне не говорят, что он сам обжигается или греется. И если кто-то скажет, что саможизнь живет, или что самосвет освещается, тот скажет, по моему мнению, неправильно, если только не скажет это в каком-то ином отношении, ибо то, чем характеризуются следствия, заранее в избытке заключено в причинах как свойственное их существу.

9. Иисусово же богоздание в нашем облике ярче всякого богословия, оно невыразимо никакими словами, недоступно никакому уму, в том числе самому первому из самых старших ангелов. Мы таинственным образом знаем, что Он восуществился как человек, но не ведаем того, как воплотился Он – вопреки природе, по иному закону – от девственных кровей, и как имеющими телесную массу и материальный вес сухими ногами ходил Он по неустойчивой водной стихии, а также прочего, что касается сверхприродной физиологии Иисуса.

В другом месте нами сказано об этом достаточно, и наш истинный наставник в своих «Основах богословия» превосходно воспел это же, – либо почерпнутое им у священных богословов, либо полученное в результате вдумчивого исследования Речений после долгого кропотливого их изучения, или же открытое ему неким божественнейшим вдохновением, когда он не только узнавал, но и переживал божественное, и от испытываемой к нему, если так можно выразиться, симпатии достиг совершенства в ненаучимом и таинственном единстве его и вере. И чтобы очень коротко представить многие и блаженные видения его державной мысли, приведу то, что он говорит об Иисусе в составленных им «Основах богословия».

ИЗ «ОСНОВ БОГОСЛОВИЯ» СВЯТЕЙШЕГО ИЕРОФЕЯ

10. Являющаяся причиной всего и исполняющая *все* божественность Сына, сохраняющая части в согласии с целым, сама ни частью, ни целым не являясь, и являясь и целым и частью, все в себе, и часть, и целое, содержащая, превосходящая и *всему* предшествующая, она совершенна среди несовершенного как началосовершенство, но и несовершенна среди совершенного как сверхсовершенная и предсовершенная; вид, творящий виды в том, что не имеет вида, как видоначало; безвидная среди видов как превосходящая вид; сущность, во все сущности, не касаясь их, проникающая и сверхсущественная, для всякой сущности запредельная; все начала и чины разделяющая выше всякого начала и чина пребывающая; она – меравсего сущего, она вечность, и она выше вечности и до вечности; она восполнение недостаточного и переполнение исполненного; она неизреченна, безмолвна, превышает ум, превышает жизнь, превышает сущность. Ей сверхъестественно свойственно сверхъестественное, сверхсущественно – сверхсущественное.

Поскольку же Пребожественный по человеколюбию снизошел до природы и поистине восуществился и стал человеком (да будет милостиво к нам Воспеваемое, превосходящее ум и слово), обладает, пребывая в том, сверхъестественным и сверхсущественным, нисколько не пострадав от неизменного и неслиянного причастия к нам в преисполнении Своего невыразимого опораживания, Он был новейшим всего нового; среди того, что для нас естественно, сверхъестественным; среди принадлежащих существу сверхсущественным, все наше от нас выше нас имея в изобилии.

11. Так что этого достаточно. Вернемся к цели нашего сочинения, раскрывая, по мере наших сил, общие и соединенные имена божественного разделения.

И чтобы ясно по порядку сразу все разграничить, скажем, что божественное разделение представляет собой, как мы уже говорили, благолепные выходы Богоначалия вовне. Даруемое всему сущему и сверхизливающее причастность всех благ, Оно соединенно разделяется, умножается единично и увеличивается многократно, от единства не отлучаясь. Поскольку [Бог](#) есть Сущий сверхсущественно, дарует сущему бытие и производит все сущности, говорят, что это Единое Сущее многократно увеличивается благодаря появлению из Него многого сущего, причем Оно нисколько не умаляется и остается единым во множестве; соединенным, выступая во-вне; и, разделяясь, – полным, по той причине, что Он сверхсущественно пребывает запредельным по отношению и ко всему сущему, и к объединяющему все исхождению во-вне, и к неиссякающему излианию Его неумещающихся преподаний. Но будучи един и сообщая единство и всякой части, и целому, и единому, и множеству, Он существенно существует в равной степени как Единое, не представляющее Собой ни часть множества, ни многочастное целое. И при том Он не есть единое, к единому непричастен и единого не имеет. Далеко от этого Единое, превышающее единое; Единое для всего сущего; не-

делимое множество; ненаполняемое переполнение, всякое единое, множество приводящее, совершенствующее и содержащее.

Опять же, оттого, что – благодаря происходящему из Него обожению и восприятию, по мере сил каждого, Божия образа – появляется множество богов, представляется и говорят, что имеет место разделение и многократное умножение единого Бога, но Он от этого ничуть не менее Начало-Бог и Сверх-Бог, сверхсущественно единый [Бог](#), неделимый среди делимого, единый Сам с Собой, со множеством не смешивающийся и неумножаемый.

Это сверхъестественно уразумев, общий наш и наставника руководитель к божественному светоподанию, великий в божественном, «свет мира», вдохновенно говорит в своих божественных писаниях следующее: «Ибо, хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много; но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь [Иисус Христос](#), Которым все, и мы Им» ([1Кор. 8, 5–6](#)). Ибо единства господствуют над божественными разделениями и преобладают, и объединенное не страдает при неотрывном от Единого объединяющем разделении.

Эти общие и соединенные разделения или благолепные исхождения во-вне всецелой божественности мы постараемся по мере сил воспеть, руководствуясь божественными именами, которые являют ее в Речениях, – прежде, как уже сказано, отдав себе отчет в том, что все благотворящие божественные имена, применяемые к богоначальным ипостасям, следует воспринимать как относящиеся ко всей богоначальной целостности без изъятий.

Глава третья

В чем заключается сила молитвы, о блаженном Иерофее, о благоговении и о богословском сочинении

1. Сначала рассмотрим, пожалуй, всесовершенное изъяснительное благонаименование всех Божиих исхождений, призвав благоначальную и сверхблагую Троицу, проясняющую все Свои в высшей степени благие промыслы. Ибо первым делом к Ней как к Благоначалию подбавляет нам молитвами возводить себя, и по мере приближения к Ней просвещаться всеблагими дарованиями, окружающими Ее. Она присутствует ведь во всем, но не все присутствует в Ней. И когда мы призываем Ее всечистыми молитвами, незамутненным умом, приверженностью к божественному соединению, тогда и мы в Ней присутствуем. Ибо Она пребывает не в каком-либо месте, чтобы в чем-то отсутствовать или переходить от одних вещей к другим. Но и сказать, что Она пребывает во всем сущем, недостаточно, чтобы выразить Ее все превышающую и все объемлющую беспредельность.

Устремим же себя молитвами, чтобы взойти в высочайшую высь к божественным и благим лучам, как бы постоянно перехватывая руками ярко светящуюся, свисающую с неба и достигающую досюда цепь и думая, что мы притягиваем к себе ее, на деле же не ее, пребывающую и вверху и внизу, стягивая вниз, но поднимая к высочайшим сияниям многосветлых лучей себя. Или как бы находясь в корабле, схватившись за канаты, прикрепленные к некой скале и протянутые нам, чтобы мы причалили, мы бы притягивали к себе не скалу, а на деле самих себя и корабль – к скале. Как и напротив, если бы кто-то, находящийся в корабле, оттолкнул лежащий на берегу камень, он ничего не причинил бы неподвижному камню, но себя самого удалил бы от него, и чем сильнее толкнул бы его, тем сильнее оттолкнул бы от него себя. Почему и подобает всякое дело, а особенно богословие, начинать молитвой, – не для того, чтобы вездесущую и нигде не сущую Силу привлечь к себе, но чтобы Ей вручить и с Ней соединить самих себя.

2. Вероятно, и то заслуживает оправдания, что, хотя наш славный учитель Иерофей составил замечательные «Первоосновы богословия», мы, считая, что их недостаточно, написали другие богословские сочинения, в том числе и это. Если бы он посчитал достойным рассмотреть по порядку все богословские вопросы и раскрыл, давая небольшие пояснения, все основы богословия, мы не дошли бы до такого безумия или невежественности, чтобы стараться либо еще более наглядно, чем он, и еще более божественно трактовать богословские темы, либо второй раз впустую говорить то же самое, суесловя, а кроме того, обижая учителя и друга, следом за божественным Павлом научившего нас своими словами основам богословия, присваивая себе его знаменитейшую теорию и объяснение. Но поскольку этот руководитель старчески изложил нам воистину божественное в общих пределах, в едином объёме многое, как бы повелевая нам и нашим учителям новообращенных душ раскрыть и разделить нашей умеренной речью краткие, обобщенные и емкие слова, заключающие умнейшую силу этого мужа, и ты сам многократно к этому нас побуждал, а затем и эту книгу прислал нам как превосходную, потому и мы считаем его учителем совершенных старческих мыслей, а то, что он, превзойдя многих, написал речениями, следующими сразу после тех, которые были возвещены Богом, и мы людям нашего времени по мере наших сил божественное передадим. Ведь если «твердая пища – пища совершенных», то какого же требует совершенства угощать ею других?

Правильно и то сказанное нами, что самоочевидное созерцание умственных речений и их обобщенное изложение требуют старческой силы, а понимание и изучение смысла употребленных для этого слов – дело менее освященных и священных.

Однако было соблюдено нами весьма прилежно также – никогда не касаться того, что было до полной ясности разобрано самим божественным наставником, – чтобы не повторять его, разъясняя разъясненные им Речения.

После того, как самими боговдохновенными нашими святителями (когда и мы, как ты знаешь, и ты сам, и многие из наших священных братьев сошлись для созерцания живоначального и богоприимного тела, и там же были брат Божий Иаков и Петр, главный и старейший вождь богословов, и затем после созерцания все святители решили воспеть, как кто может, бесконечно сильную благодать богоначальной немощи, он, как ты знаешь, победил среди богословов всех посвященных в таинства веры, придя в полное исступление, совершенно выйдя из себя, переживая приобщение к воспеваемому) на основании всего того, что было услышано, увидено, узнано и не узнано, он был оценен как боговдохновенный и божественный гимнослов, что я могу сказать тебе о богословски воспетом там? Ведь если моя память мне не изменяет, я многократно знакомился, слыша от тебя, с некоторыми частями этих вдохновенных песнопений. Такова твоя ревность выискивать божественное не мимоходом.

3. Но давай оставим упомянутое тайное как для толпы неизреченное, тебе же известное. А когда ему надо было общаться с толпой *непосвященных* и кого только возможно привести к нашему священному знанию, насколько превосходил он многих священных учителей и затрачиваемым временем, и чистотой ума, и точностью доказательств, и прочим священнословием, так что мы никогда не решались смотреть прямо на столь великое солнце. Ибо мы настолько были сосредоточены чувствами и умом на самих себе, что ни разумения смысла божественного не могли вместить, ни сказанного о богопознании ни выговорить, ни произнести. Далеко уступая *ему*, мы испытываем недостаток в знании богословской истины божественных мужей, ибо избыток благочестия привел нас именно к полной невозможности слу-

шать и говорить что-либо о божественном любомудрии помимо того что мы восприняли умом; так что не подобает пренебрегать воспринятым нами знанием божественного. И в этом нас убедили не только природные стремления ума, всегда вожделенно добивающиеся возможного созерцания сверхъестественного, но и сам наилучший распорядок божественных законов, отвращающий нас от исследования того, что выше нас, как незаслуженного и как недостижимого, а все, что нам позволительно и даровано, повелевающий старательно разузнать и благовидно передать другим.

Этому подчиняясь, не отказываясь и не уклоняясь от допустимого исследования божественного, а также не терпя, чтобы остались без помощи те, кто не имеет сил для лучших из наших созерцаний, мы сочли своим долгом писать, ничего нового приносить не осмеливаясь, но более подробными и отдельными исследованиями каждого вопроса разбирая и проясняя обобщенно сказанное истинным Иерофеем (букв. «Святобогом» или «Священником Божиим»).

Глава четвертая

Об именах «Добро», «Свет», «Красота», «Любовь», «Экстаз», «Рвение», о том, что зла не существует, что оно не от Сущего и не в числе сущих

1. Ну, хорошо, перейдем теперь в *нашей* речи уже к тому самому благоименованию, которое богословы решительным образом выделяют из всех других, *применяемых* к сверхбожественной божественности, называя Благостью, как мне кажется, само Богоначальное бытие, имея при этом в виду, что для Добра существовать – как для Добра по существу – означает распространять благость во все сущее. Ибо как солнце в нашем мире, не рассуждая, не выбирая, но просто существуя, освещает все, что по своим свойствам способно воспринимать его свет, так и превосходящее солнце Добро, своего рода запредельный, пребывающий выше своего неясного отпечатка архетип, в силу лишь собственного существования сообщает соразмерно всему сущему лучи всецелой Благости.

Благодаря им возникли все умопостигаемые и разумеющие сущности, силы и энергии; благодаря им они существуют и имеют неиссякающую и неумаляемую жизнь, свободные от всякого тления, смерти материи и рождения, пребывающие выше непостоянства, текучести и так или иначе происходящего изменения. Поскольку они бестелесны и невещественны, они воспринимаются разумом, а поскольку они суть разумы, они сверхмирно разумеют и подобающим образом просвещают логосы сущего и далее к родственному свое переправляют. И обитель они имеют от Благости, и пребывалище их оттуда же, и связь, и охрана, и средоточие благ; Ее желая, они имеют и бытие и счастье; по возможности Ей уподобляясь, они благовидны и, общаясь с теми, кто ниже их, они, как учит божественный закон, распространяют на тех получаемые от Добра дары.

2. Оттуда – их надмирные чины; их единство друг с другом; вмещение их друг в друга; неслиянные разделения; их силы, возводящие к высшим тех, кто ниже их; заботы старейших о следующих за ними; охрана каждой из них своей собственной силы и постоянное обращение их вокруг самих себя; их тождественность и крайность в стремлении к Добру; и прочее, о чем сказано нами в книге «Об ангельских свойствах и чинах».

А также – то, что относится к небесной иерархии: подобающие ангелам очищения, сверхмирные светоожения и исполнения всего ангельского совершенства происходят от всепричинной и источающей *все* Благости, от Которой и дарованы им и благовидность, и возможность проявлять в себе скрытую благость, и быть ангелами как возвестителями божественно-

го молчания и как бы сияющими светом, изъяснительно исходящими от Пребывающего в заповедном святилище.

А под этими священными и святыми умами благодаря сверхблаготворительности Благости существуют также души со свойственным им добром, как то: способность быть разумными, иметь само бытие в виде нетленной сущностной жизни, а притом и возможность, устремляясь к жизни ангелов, с их, как добрых наставников, помощью быть возводимыми к Благому Началу всех благ, и соответственно своему достоинству делаться причастниками изливающихся оттуда осияний, и по мере сил причащаться благовидным дарованиям; и прочее, что перечислено нами в книге «О душе».

А также – если только нужно о них говорить – те, что относятся к душам бессловесным, или животным: и рассекающие воздух, и ходящие по земле, и закапывающиеся в землю, и чей удел жить в воде или амфибиями, и живущие сокрытыми и погребенными под землей, и проще сказать – все, кто имеет чувственную душу или жизнь, – и они все одушевлены и оживлены благодаря Добру. От Добра и растения все имеют жизнь, связанную с питанием и движением. И все то, что бездушно и безжизненно, представляет собой сущность благодаря Добру и благодаря Ему удостоилось свойства быть сущностью.

3. Если же [Добро](#) существует выше всего сущего, как это и есть *на самом деле*, то Оно и безвидному придает вид. И в Нем одном бессущность есть чрезмерность сущности, безжизненность – превысочайшая жизнь, безумие – превысочайшая премудрость и – все прочее, что в Добре связано с избыточествующим приданием вида безвидному. И, если так позволительно сказать, к Добру, превышающему все сущее, стремится и само не сущее, добываясь и само каким-то образом быть в поистине – по отъятии всего – сверхсущественном Добре.

4. Но вот что от нас, между прочим, ускользнув, убежало, – что Добро – Причина и небесных начал и пределов, и этого невозрастающего, неубывающего и всецело неизменного плавного течения, и бесшумных, если так можно сказать, движений все превосходящего величием небесного шествия и звездных чинов, и благолепий, и светов, и водружений и многообразного сквозного прохождения некоторых подвижных звезд; периодического обращения из одних и тех же мест в те же самые двух светил, называемых в Речениях великими, в соответствии с которыми ограничиваемые наши дни, и ночи, и отмеряемые месяцы, и годы размежевывают, исчисляются, определяют и связывают круговое движение времени и в нем пребывающих.

А что можно сказать о солнечном свечении самом по себе? Это ведь свет, исходящий от Добра, и образ Благости. Потому и воспевается Добро именами света, что Оно проявляется в нем, как оригинал в образе. Ведь подобно тому, как Благость запредельной для всего божественности доходит от высочайших и старейших существ до низжайших и притом остается выше всего, так что ни высшим не достичь Ее превосходства, ни низшим не выйти из сферы достижимого Ею, а также просвещает всё, имеющее силы, и созидает, и оживляет, и удерживает, и совершенствует, и пребывает и мерой сущего, и веком, и числом, и порядком, и совокупностью, и причиной, и целью, – точно так же и проявляющий божественную благодать образ, это великое всеосвещающее вечносветлое солнце, ничтожный отзвук Добра, и просвещает все способное быть ему причастным, и имеет избыточный свет, распространяя по всему видимому космосу во все стороны сияние своих лучей. И если что-нибудь ему не причастно, то это не от слабости или ограниченности распространяемого им света, но от неспособности принять свет тех, кто не стремится быть его причастником. Несомненно, многих таковых

минуя, лучи освещают находящихся позади них, и нет ничего из видимого, чего бы оно – при чрезмерном количестве своего сияния – не достигало.

Оно содействует также и рождению чувственных тел, подвигает их к жизни, питает их, растит, совершенствует, очищает и обновляет. И свет есть мера и число часов, дней и всего нашего времени. Ведь именно этим светом, хотя тогда еще бесформенным, по словам божественного Моисея, разграничивалась первая триада наших дней (см. [Быт. 1, 3–13](#)). Подобным образом и Благодать все к Себе привлекает как Начало собирания всех рассеянных, как начальная и объединяющая Божественность, к Которой все стремятся как к Началу, Связи и Завершению.

И, как говорят Речения, именно из Добра все возникло и существует, будучи выведено из совершенной Причины, и именно в Нем все создано и было хранимо и содержимо как бы во всеобъемлющей глубине, и в Него все возвращается как в свой для каждого предел; куда все стремится: умственное и словесное – сознательно, чувственное – чувственно, непричастное же чувствам – врожденным инстинктом сохранения жизни, а неживое и лишь существующее – только необходимостью причастовать к единому осуществленному.

Согласно тому же смыслу ясного образа, свет собирает и обращает к себе все зрящее, движущееся, освещаемое, согреваемое, все, что содержится под его сиянием. Потому оно и солнце, что все совокупляет и собирает рассеянное. И все чувственное в нем нуждается, стремясь или видеть, или двигаться, или быть освещаемым и согреваемым, и вообще пребывать в свете.

Я, однако же, не следуя мнению древности, что солнце это бог и создатель всей этой твари, которому принадлежит управление видимым миром, но говорю, что «невидимое» Божие «от создания мира через рассматривание творений видимо, вечная Его сила и божественность» (ср. [Рим. 1, 20](#)).

5. Но об этом сказано в «Символическом богословии». Ныне же нам надо воспеть и назвать умозрительные светоименования Добра, потому что Добрый называется умственным Светом, – ибо всякий сверхнебесный ум преисполнен умственного Света, и в то же время Он отгоняет от всех, в чьи души проникает, всякое неведение и обман, и всем им передает священный свет, и очищает их умственные очи от окружающей их мглы неведения, оживляет и отверзает их, многотяжестью тьмы смеженные, и дает им видеть сначала неяркие лучи, а вкусившим света и стремящимся к большему потом показывает Себя больше и начинает сиять им с избытком «за то, что возлюбили много» (ср. [Лк. 7, 47](#)), и постоянно возвышает их к Себе соответственно их способности взирать наверх.

6. Итак, умственным Светом называется превосходящее всякий свет Добро как источающее *свет* сияние и воскипающее светоизлияние; все надмирные, около мира и в мире пребывающие умы от своей полноты просвещающее; все их мыслительные силы обновляющее; всех, собою охватывая, объемлющее; все своим превосходством превосходящее; как изначальный свет и сверх-свет в себе сосредоточившее, сверхимеющее и предимеющее господство решительно над всякой светящей силой; все умственное и разумное собирающее и сочетающее. Ибо так же, как неведение есть нечто разделяющее заблуждающихся, явление умственного света есть нечто собирающее освещаемых, объединяющее, совершенствующее и обращающее их к Воистину Сущему, отвращая от многих мнений, и различные точки зрения, или, точнее сказать, представления, собирая к единому истинному, чистому, едино-видному знанию, наполняя единым соединяющим Светом.

7. Это Добро воспевается священными богословами и как Прекрасное, и как Красота, и как Любовь, и как Возлюбленное, и другими, какие только есть, благолепными применяемыми к Богу наименованиями сообщающей красоту благодатной зрелости.

Прекрасное и Красота не должны различаться в Их все воедино собирающей Причине. Ибо разделяя Их применительно ко всему сущему на причастие и причастующее, прекрасным мы называем то, что причастно Красоте, а красотой – причастие к делающей красивым Причине всяческой красоты. Сверхсущественное же Прекрасное называется Красотой потому, что от Него сообщается собственное для каждого очарование всему сущему; и потому, что Оно – Причина благоустройства и изящества всего и наподобие света излучает всем Свои делающие красивыми преподания источника сияния; и потому что Оно всех к Себе привлекает, отчего и называется красотой; и потому что Оно все во всем сводит в тождество. Прекрасно же Оно как всепрекрасное и как сверхпрекрасное и вечно сущее одним и тем же образом и постоянно прекрасное; «не возникающее и не исчезающее; не возрастающее, не убывающее; не в чем-то одно прекрасное, а в чем-то другом безобразное; ни в одно время такое, а в другое время другое; ни по отношению к одному прекрасное, а по отношению к другому безобразное; ни здесь одно, а там другое; ни кому-то прекрасное, а кому-то не-прекрасное» (Платон, Пир 211 см.), но как Само по Себе с Самим Собой единовидное, вечно пребывающее прекрасным; и как преизбыточно и заранее в Себе имеющее источник Им очарование всего прекрасного. Ведь в простой сверхъестественной природе всяческой красоты всякое очарование и все прекрасное единовидно предсуществует как в причине. Из этого Прекрасного всему сущему дано быть прекрасным в соответствии с собственным логосом; и благодаря Прекрасному происходит сочетание, любовь и общение всех; и все объединяется Прекрасным; и Прекрасное есть Начало всего как творческая Причина, все в целом и движущая, и соединяющая любовью к собственному очарованию; Оно и Предел всего, и Возлюбленное – как доводящая до совершенства Причина, ибо ради Прекрасного все появляется; и Образец, ибо в согласии с Ним все разграничивается. Потому и тождественно Добру Прекрасное, что по всякому поводу все стремится к Прекрасному и Добру, и нет ничего такого в сущем, что не было бы причастно Прекрасному и Добру.

Слово осмелится даже сказать, что и не сущее причастно Прекрасному и Добру, ибо и оно – Прекрасное и Добро тогда, когда сверхсущественно – по отъятии всего – воспевается в Боге. Это единое Добро и Прекрасное единственно представляет собой Причину всего множества прекрасного и доброго. Из Него – все сущностные существования сущего, соединения и разделения, тождества и различия, подобия и неподобия, общности противоположностей, несмешиваемость объединенного, промысел высших, взаимосвязь равных, обращения низших, свои у всех защищающие их неподвижные обитатели и пребывалища, и также всех со всеми – с каждым особое – сообщение, приноровление и несмущаемое содружество; и согласованность целого; растворенность в целом; и неразрешимый союз сущего; неиссякаемое преемство возникающего; все состояния покоя и движения, свойственные умам, душам, телам. Ибо покоем всех и движением является то, всякий покой и всякое движение превышающее, что внедряет каждого в его собственный логос и движет сообразно собственному движению.

8. Говорят, что божественные умы движутся по окружности, когда их объединяют безначальные и бесконечные осияния Прекрасного и Добра; по прямой – когда выходят во-вне для промысла о меньших, чтобы правильно все совершить; и по спирали – когда, промышляя о

меньших, продолжают неотрывно пребывать в том же положении относительно Причины тождества, Прекрасного и Добра, непрестанно двигаясь вокруг Нее по окружности.

9. Душе же свойственно, во-первых, круговое движение: ей дарована способность входить в себя извне и единовидно соображать свои умственные силы как бы по некоему кругу, что придает ей устойчивость, отвращает от множества того, что вне ее, и сначала сосредоточивает в себе, а потом, по мере того, как она становится единовидной, объединяет с единственно объединенными силами и таким образом приводит к Прекрасному и Добру, Которое превышает всего сущего, едино, тождественно, безначально и бесконечно.

По спирали же душа движется, когда соответствующим ей образом ее озаряют божественные знания – не умственно и объединяюще, но словесно и изъяснительно, как бы смешанными и переходными энергиями.

А по прямой – когда, не входя в себя и не будучи движима объединяющей разумностью (то есть, как я сказал, по кругу), она выходит во-вне к тому, что вокруг нее, и затем извне, как бы от множества неких разнообразных символов, возводится к простому и цельному созерцанию.

10. Причиной же, связью и целью таковых движений, и трех видов где бы то ни было *происходящего* чувственного движения, а еще гораздо раньше – обителей, состояний покоя и оснований каждого из них является Прекрасное и [Добро](#), превышающее всякий покой и движение. Поэтому всякое состояние покоя и движения – из Него, в Нем, в Него и ради Него. Ибо из Него и благодаря Ему *происходят* и сущность, и всяческая жизнь и ума и душ; и ничтожность, равность и величие во всякой природе; все меры, соответствия сущего и гармонии; слияния, целостности и части; всякое единство и множество; соединения частей, единства всякого множества; совершенства целостностей; качество и количество; величина и необъятность; соединения и разделения; всякая беспредельность и всякий предел; все границы, порядки, чрезмерности, элементы, виды, всякая сущность, всякая сила, всякая энергия, всякое свойство, всякое чувство, всякое слово, всякое помышление, всякое прикосновение, всякое знание, всякое единство. И просто *говоря*, все сущее, возникая из Прекрасного и Добра, пребывая в Прекрасном и Добре, возвращается в Прекрасное и Добро.

И все, что существует и появляется, существует и появляется благодаря Прекрасному и Добру. Все взирает на Него, Им движется и содержится. И ради Него, через Него и в Нем существуют всякое начало, являющееся образцом, совершающее, создающее, видовое, элементное, и вообще всякое начало, всякая связь, всякий предел. Скажу, обобщая: все сущее – из Прекрасного и Добра, и все несущее – сверхсущественно в Прекрасном и Добре; и существует начало и предел всего – Сверхначальное и Сверхпредельное; ибо «из Него и благодаря Ему, в Нем, и в Него все» (ср. [Рим. 11, 36](#)), как говорит Священное слово.

Для всех ведь Прекрасное и Добро желанно, вожделенно и возлюбленно; благодаря Нему и ради Него худшие страстно любят лучших, равные отзывчиво – равных им по чину, и лучшие промыслительно – худших, и каждый из них основополагающим образом – себя; и все, желая Прекрасного и Добра, делают то и желают того, что они делают и чего они желают. Слово Истины прямо скажет и то, что Сам, являющийся Причиной всего, по сверхмерной благодати любит все, творит все, все совершенствует, все сохраняет, все возвращает и является Сам божественной доброй [Любовью](#) к добру ради добра. Ибо сама добротворящая Любовь к сущему, с избытком предсуществуя в Добре, не позволила Себе бесплодно остаться в Самой Себе, и подвигла Себя действовать для избыточного порождения всего.

11. И да не подумает кто-нибудь, что мы вопреки Речениям почитаем имя [Любовь](#). Ведь, в самом деле, неразумно и глупо, мне кажется, обращать внимание на букву, а не на смысл речи. Это не свойственно людям, желающим уразуметь божественное, но присуще лишь тем, кто воспринимает одни звуки, а их смысл в свои уши для восприятия извне не допускает и знать не желает, что такое-то выражение означает и как его можно прояснить с помощью других равнозначных и более выразительных выражений – людям, пристрастным к бессмысленным знакам и буквам, непонятым слогам и словам, не доходящим до разума их душ, но лишь звучащим снаружи, в пространстве между губами и ушами. Как будто нельзя число четыре обозначать как дважды два, прямые линии как линии без изгибов, родину как отечество, и что-нибудь другое *иначе*, когда одно и то же может быть выражено различными словами. По правде говоря, подобает знать, что буквами, слогами, речью, знаками и словами мы пользуемся ради чувств. А когда наша душа движима умственными энергиями к умозрительному, то вместе с чувственным *становится* излишни и чувства, – равно как и умственные силы, когда душа, благодаря непостижимому единению делаясь боговидной, устремляется к лучам неприступного света восприятием без участия глаз. Когда же ум, используя чувственное, старается возвыситься до умозрительного созерцания, для него тогда гораздо более ценно то из чувственного, что легче воспринимается: более ясные слова, более четко видимое. Потому что, если подлежащее чувствам неясно, они сами не способны прекрасно представить уму чувственное.

Чтобы не показалось, однако же, что мы говорим это, отступая от божественных Речений, пусть те, кому не нравится имя [Любовь](#), послушают следующее: «полюби ее, и она сохранит тебя», «огради ее, и она вознесет тебя; почти ее, чтобы она обняла тебя» ([Притч. 4, 6, 8](#)), и прочее, что богословие поет, используя образ любви.

12. Ведь и некоторым нашим священнословам даже более божественным представляется имя Любовь, нежели имя Приязнь. Пишет ведь и божественный Игнатий: «Моя любовь распялась» (К Римлянам 7, 2). И во введениях к Речениям ты найдешь как кто-то говорит о божественной Премудрости: «Я был влюбленным в Ее красоту» ([Прем. 8, 2](#)). Так что не будем бояться имени Любовь, и да не смутит нас никакое касающееся этого устрашающее слово. Ибо мне кажется, что богословы почитают одинаковыми имена Приязнь и Любовь, но к божественному применяют главным образом *имя* Истинная Любовь – из-за нелепого предрассудка определенного рода людей.

Хотя не только нами, но и самими Речениями Истинная Любовь воспевается подобающим божественному образом, большинство, не вмещающая единовидность именованного Бога [Любовью](#), соскользнуло к сообразному им самим частичному, имеющему в виду тело, раздельному пониманию любви, являющейся на деле не любовью, но ее образом, или скорее отпадением от Истинной Любви. Ибо большинство не может вместить объединяющей силы божественной единой Любви. Почему многим и кажется совершенно неприменимым имя, прилагаемое к божественной Премудрости для того, чтобы возвести их и устремить к познанию Истинной Любви и таким образом прекратить возмущение им.

Низкого ума люди часто думают также, что речь идет о чем-то нашем и непристойном в кем-то сказанных заслуживающих лучшей оценки словах: «Напала на меня приязнь к тебе, как приязнь к женщинам» ([2Цар. 1, 26](#)). А те, кто правильно слышит божественное, увидят, что, изъясняя божественное, священные богословы в имена Приязнь и Любовь вкладывают один и тот же смысл.

Это является свойством единотворящей, соединяющей и особым образом смешивающей в Прекрасном и Добре силы, ради Прекрасного и Добра возникшей, от Прекрасного и Добра ради Прекрасного и Добра исходящей и содержащей явления одного порядка во взаимосвязи друг с другом, подвигающей первенствующих к попечительству о меньших и утверждающей тех, кто ниже, обращением к тем, кто выше.

13. Кроме того, божественная любовь направлена вовне: она побуждает любящих принадлежать не самим себе, но возлюбленным. Высшие показывают это своей заботой о нуждающихся, те, кто на одном уровне – связью друг с другом, а низшие – более божественным обращением к первенствующим. Почему и великий Павел, будучи одержим божественной Любовью, приобщившись Ее устремляющей во-вне силы, сказал божественными устами: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Тал. 2, 20). Сказал он это как поистине любящий, исступив из себя, как он сам говорит, к Богу и живя не своей жизнью, но жизнью Возлюбленного как весьма желанной.

Истины ради осмелимся также сказать и то, что и Сам являющийся Причиной всего благодаря любви к прекрасному и добру во всем, по избытку любовной благодати оказывается за пределами Себя, будучи привлекаем ко всему сущему Промыслом, словно благодатью, влечением и любовью, и из состояния запредельно все превышающего низводится сверхсущественной неотделимой от Него выводящей во-вне силой. Почему и называют Его опытные в божественном люди Ревнителем – как испытывающего сильную и добрую любовь к сущему, как побуждаемого Своим любовным влечением к ревности, как обнаруживающего Себя Ревнителем, ревнующим Им вожделенное, и как ревностным в заботе о сущем. Одним словом, влечение и любовь принадлежат Прекрасному и Добру, в Прекрасном и Добре имеют основание и благодаря Прекрасному и Добру существуют и возникают.

14. Почему же все-таки богословы иногда предпочитают назвать Его Любовью и Приязнью, а иногда Любимым и Желанным? Потому что одного Он Причина, так сказано, Производитель и Порогитель, другое же Он есть. Одним Он движим, другое же Он движет, то есть как бы Сам Себя с Собой сводит и к Себе двигает. Так что Желанным и Любимым Его зовут как Прекрасное и Добро, Любовью же и Приязнью – поскольку Он является Силой, движущей и при том возводящей к Себе, единственному Самому по Себе Прекрасному и Добру, представляющему Собой как бы изъяснение Себя через Себя, благой выход из запредельного единства, простое, произвольное, импульсивное движение любви, предсуществующее в Добре, из Добра изливающееся сущему и вновь в Добро возвращающееся. В чем преимущественно и проявляется Его бесконечная и безначальная божественная Любовь, как некий вечный круг, по которому посредством Добра, из Добра, в Добре и в Добро совершается неуклонное движение, в одном и том же одним и тем же образом всегда происходящее, пребывающее и возобновляющееся. Это и наш славный посвятитель в таинства боговдохновенно изложил в гимнах о любви, каковые не неуместно здесь вспомнить и словно некую священную главу включить в наше слово о Любви.

ИЗ ГИМНОВ О ЛЮБВИ СВЯТЕЙШЕГО ИЕРОФЕЯ

15. Назовем ли мы Эрос божественным, либо ангельским, либо умственным, либо душевным, либо физическим, давайте представим Его себе как некую соединяющую и связывающую Силу, подвигающую высших заботиться о низших, равных общаться друг с другом, а до предела опустившихся вниз обращаться к лучшим, пребывающим выше.

ИЗ ТЕХ ЖЕ ЕГО ЖЕ ГИМНОВ О ЛЮБВИ

16. Мы назвали многие, из единого Эроса происходящие Его виды, перечислив *их* по порядку, как то знания и силы пребывающих в мире и надмирных любовей, где превосходят, в соответствии с предложенной разумом точкой зрения, чины и порядки разумных и умственных видов эроса, вслед за которыми умственные-в-собственном-смысле-слова и божественные стоят выше других поистине прекрасных тамошних видов эроса. Они подобающим образом у нас и воспеты. Теперь, вновь собрав их все в единый свернутый Эрос, давайте соберем и сведем из многих и их общего Отца, сначала слив в две из них все вообще любовные силы, которыми повелевает и предводительствует совершенно для всего запредельная неудержимая Причина всякого эроса, к каковой и простирается соответствующим каждому из сущего образом общая для всего сущего Любовь.

ИЗ ТЕХ ЖЕ ЕГО ЖЕ ИСПОЛНЕННЫХ ЛЮБВИ ГИМНОВ

17. Обобщая теперь и это, давайте скажем, что существует некая единая простая Сила, движущая Сама Себя от Добра до некоторого смещения с последним из сущих, а затем от него, проходя сквозь все, по кругу – из Себя, благодаря Самой Себе, Сама по Себе вновь в Себя, в Добро, – всегда равным образом возвращающаяся.

18. Но кто-нибудь, возможно, скажет, что если Прекрасное и Добро для всех вождельно, всеми желаемо и любимо, (ибо и не сущее, как уже сказано, желает Его и ревностно стремится быть в Нем, и Оно является видотворящим и для тех, кто не имеет вида, и в Нем и не-сущее сверхсущественно именуется и существует), то как же демонское множество не желает Прекрасного и Добра, и, будучи привержено материи, отпав от равного ангельскому желанию Добра, называется причиной всех зол, какие оно причиняет и себе и другим? Почему же демонское племя, полностью из Добра происходящее, не благообразно? Или почему, возникнув как добро от Добра, оно изменилось? И что сделало его дурным? И вообще что такое зло? И от какого начала оно произошло? И в ком из сущих оно есть? И почему Благой захотел, чтобы оно появилось? И как, захотев, смог это сделать? И если зло происходит от другой причины, какова же другая причина сущего помимо Добра? Почему при существовании Промысла существует зло, как оно вообще появляется и почему не уничтожается? И почему что бы то ни было из сущего желает его вместо Добра?

19. Приблизительно это или что-то в этом духе скажет сомневающийся разум. Мы же почтем его достойным посмотреть, как это обстоит на самом деле, и прежде всего прямо скажем следующее: Зло не происходит от Добра; а если происходит от Добра, то это не зло. Ибо как огню несвойственно холодить, так и Добру несвойственно причинять не-добро. И если все сущее – из Добра (ибо природа Добра состоит в том, чтобы производить и сохранять, а зла – разрушать и губить), то ничто из сущего не происходит от зла. И даже то не будет злом, что зло по отношению к самому себе. А если и это не зло, то вообще зло – не зло, но имеет какую-то долю Добра в той мере, в какой вообще существует. И если сущее желает Прекрасного и Добра и все, что делает, делает постольку, поскольку считает это добром, и всякое намерение сущего имеет начало и конец в Добре (ибо никто не делает то, что он делает, взирая на природу зла), то как же может быть зло среди сущих или вообще сущим, будучи лишено такого благого стремления?

И если все сущее – из Добра, и Добро запредельно для сущих, то в Добре сущее и не сущее, а зло и не есть сущее, ведь в противном случае *это* вовсе не зло и не несущее. Ибо вообще ничего нет не-сущего, за исключением того, о чем можно сказать как о сверхсущественно сущем и Добре. Так что Добро пребывает выше и прежде и просто-сущего, и не-сущего. А зло

не числится ни среди сущего, ни среди не-сущего, и гораздо больше, чем само не-сущее, отстоит от Добра как нечто чуждое и безсущественное.

Откуда же, спросит кто-нибудь, взялось зло? Ведь если зла нет, то добродетель и порок – одно и то же и в целом, по отношению к другому целому, и в сопоставимых частностях, и уже не будет злом то, что борется с Добром.

Однако же целомудрие и блуд, справедливость и несправедливость противоположны. Я говорю не только о справедливом и несправедливом, целомудренном и блудном человеке, но и о том, что прежде проявления во-вне разницы между добродетельным и противоположным, гораздо раньше, в самой душе добродетелям решительно противостоят пороки, против смысла восстают страсти, и отсюда по необходимости следует признать, что зло есть нечто противоположное Добру. Ведь не Добро же противоположно Самому Себе; но, как имеющее одно Начало и как произведение одной Причины, Оно радуется общению, единству и дружбе.

Также и меньшее добро не противоположно большему, равно как меньшие жар или холод не противоположны большему. Таким образом, зло существует среди сущих, и является сущим, и оно противоположно и сопротивляется Добру. И хоть и представляет оно собой гибель сущего, это не лишает зла существования, напротив, делает его сущим и порождающим сущее. Разве не становится часто гибель одного рождением другого? Таким образом оказывается, что зло соучаствует в восполнении всего и доставляет собою целому способность не быть незавершенным.

20. Говорит на это Истинное слово, что зло, будучи злом, никакой сущности и рождения не производит, и только по мере сил причиняет зло и порчу лику сущего. Если же кто-то скажет, что оно способно порождать бытие и что, разрушая одно, оно дает бытие другому, следует истинно ответить, что не оно в той мере, в какой разрушает одно, дает бытие другому, но что в той мере, в какой оно разрушение и зло, оно только разрушает и причиняет [зло](#), бытие же и сущность появляются благодаря Добру. Так что зло оказывается причиняющим само по себе разрушение, способным же порождать является благодаря Добру, и зло как таковое не является ни сущим, ни способным творить Сущее, но благодаря Добру оказывается и сущим, и благим сущим, и творящим блага. К тому же, как одно и то же не может быть и хорошим и плохим в одном и том же отношении, так разрушение и порождение одного и того же не может быть результатом одного и того же действия одной и той же силы, будь то сила самотворческая или саморазрушительная.

Так что зло-в-собственном-смысле-слова не является ни сущим, ни Добром, неспособно порождать бытие и творить существа и блага. Добро же, где Оно достигает совершенства, творит совершенные и беспримесные все целые блага. А то, что причастно Ему в меньшей степени, представляет собой несовершенное благо, с примесью, из-за недостатка Добра. И зло не является полностью ни хорошим, ни творящим благое. Но более или менее к Добру приближающееся оказывается в соответствующей мере благим, поскольку сквозь все проходящая всесовершенная Благость распространяется не только на окружающие ее всеблагие существа, но достигает и предельно от нее удаленных, у одних пребывая целиком, у других в меньшей степени, у третьих предельно мало, – в соответствии со способностью каждого из сущих быть к Ней причастным.

И одни причаствуют Добру в совершенстве, другие более или менее Его лишены, третьи имеют к Добру еще более смутную причастность, а четвертым Оно является в виде предельно слабого отголоска. Ибо если бы Добро являлось каждому не соответственно его способно-

сти, божественнейшие и старейшие были бы в чину низших. Как же возможно всему в равной мере быть причастным Добру, если не все в равной степени достойно полностью Ему причастствовать?

На деле же «превосходство величия» силы Добра таково, что Оно и тому, что в какой-то мере Его лишено, дает силы восполнить недостаток Себя до полного к Нему причастия. И если уж осмелиться сказать истину, то – и то, что борется с Ним, и существовать и бороться может лишь Его силой. Более того, скажу коротко: все сущее, поскольку существует, представляет собой добро, происходящее из Добра, а поскольку лишается Добра, не представляет собой добра и не существует.

Ведь если взять иные свойства, как, *например*, тепло или холод, то согреваемое или охлаждаемое существует ведь и тогда, когда оно тепла или холода лишается; а многое из сущего непричастно ни жизни, ни ума. Бог же, возвышаясь и над сущностью, существует сверхсущественно. Одним словом, что касается всех других свойств, когда они пропадают или вовсе не появляются, сущее существует и способно к становлению, а вот такого, что во всех отношениях лишено Добра, вовсе нигде не было, нет, не будет и быть не может.

Так, распутник, хоть и лишается Добра из-за бессловесной похоти – в Нем ведь он не существует и Сущего не желает – тем не менее причастует Добру в самом этом слабом подражании соединению и любви. И ярость причастна Добру самим тем, что она подвижна и возбуждается против того, что кажется дурным, чтобы исправить его и обратить к тому, что представляется хорошим. И даже тот, кто стремится к самой худшей жизни, поскольку он вообще стремится к жизни, кажущейся ему наилучшей, самим тем, что стремится, и стремится жить, и направляет свой взор к лучшей жизни, причастует Добру. И если полностью уничтожить Добро, не останется ни сущности, ни жизни, ни желания, ни движения, и ничего другого. Так что породить после гибели есть не способность зла, но появление меньшего Добра, подобно тому как болезнь представляет собой недостаток порядка, но не его полное отсутствие. Ибо когда это случается, то и самой болезни не остается. Пребывает же болезнь и существует, имея основой хоть какой-то порядок, дающий ей возможность бытия. Полностью же непричастное Добру не сущее и не в числе сущих, смешанное же числится благодаря Добру в сущих, потому и пребывает в сущих и сущее настолько, насколько причастует Добру. Вообще-то все сущее более или менее сущее в той мере, в какой причастует Добру, ибо ни в чем ни в какой мере не имеющее отношения к Бытию-в-собственном-смысле-слова не сущее и существовать не может. А то, что отчасти сущее, отчасти же не-сущее, в той мере, в какой отпало от Вечно-сущего, не существует, но в той мере, в какой оно причастилось Бытия, существует и является цельным бытием, и таким образом и не-сущее его удерживается и сохраняется.

А зло, полностью от Добра отпавшее, ни в более, ни в менее благих не бывает. А то, что отчасти благо, отчасти же не благо, борется с неким благом, но не с Добром в целом. И таковое сохраняется благодаря причастности к Добру и осуществляет и свою недостаточность своим причастием к Добру вообще. Если же Добро уйдет совсем, то не будет совершенно ничего ни благого, ни смешанного, ни злого-в-собственном-смысле-слова.

Ведь если зло представляет собой несовершенное добро, то с полным отсутствием Добра отступит и несовершенное и совершенное добро. И тогда только будет и явится зло, когда для одних оно окажется злом как для противоположных, а от других, как от добрых, будет зависеть. Ибо бороться друг с другом одному и тому же с одним и тем же во всем невозможно. Таким образом, зло не сущее.

21. Но и в *числе* сущих нет зла. Ведь если все сущее из Добра, и во всех сущих Оно и все объемлет Добро, то либо зла в *числе* сущих нет, либо оно в Добре. А в Добре его быть не может, как в огне холода, да и Тому, Что обращает во благо и само зло, несвойственно воспринимать [зло](#). Если же может, то каким образом может в Добре быть зло? Из Него? *Это* нелепо и невозможно. Ибо «не может, – как говорит [Истина](#) Речений, – дерево доброе приносить плоды худые» ([Мф. 7, 18](#)) и наоборот. А если не из Него, значит – от других начала и причины. И ведь тогда либо зло происходит из Добра, либо Добро – из зла, или же, если это невозможно, Добро и зло окажутся *происходящими* от разных начала и причины. *Но* ведь всякая двойца – не начало, единица же – всякой двойцы начало.

Однако же нелепо от одной и той же Единицы происходить и существовать двум полным противоположностям: *в таком случае* и само то начало не просто и не едино, но отдельно и двувидно, противоположно самому себе и изменяемо. Невозможно и то, что сущее происходит от двух начал, и что они *пребывают* друг в друге и во всем и противоборствуют. Если это принять, то и Бог окажется не неподверженным несчастью и не вне затруднений. Если бы было что-то смущающее и Его, тогда все было бы бесчинным и пребывало бы в вечной борьбе. Однако же Добро передает всем сущим любовь и воспевается священными богословами как Мир-в-собственном-смысле-слова и Дарователь мира. Почему и дружелюбно и гармонично все благое и является произведением единой Жизни, и с единым Добром соединено, и кротко, и согласно, и приветливо друг к другу. Так что не в Боге зло, и зло не божественно. Но и не от Бога зло. Ибо либо Он не благ, либо Он творит благо и доставляет блага, а не так что иногда одно, иногда же другое и не все, ибо в таком случае окажется подверженным переменчивости и изменчивости и самое божественное из всего – Причина. Если же в Боге бытие есть Благо, то оказывается, что изменяющий благу Бог иногда является Сущим, а иногда не является. Если же Он путем причастия имеет добро, то Он берет его от другого, и то будет иметь, а то не будет. Так что, не от Бога [зло](#) и не в Боге – не вообще и не временами.

22. Но и не в ангелах зло. Ведь если благовидный ангел возвещает божественную Благодать, будучи сам по причастию, вторично, тем же, чем является по существу, первично, Возвещаемое, то ангел есть «образ» Божий, проявление неявленного света, «зеркало» чистое, светлейшее, незапятнанное, неповрежденное, «незамаранное», воспринимающее всю, с позволения сказать, красоту благообразного образа Божия и беспримесно сияющее в себе, насколько это возможно, благодатью священного молчания. Так что и не в ангелах зло.

Или те, кто мучают согрешающих, злы? В этом смысле злы и вразумляющие согрешающих, и те из священников, кто удаляет непосвященного от божественных таинств. Но не то ведь плохо, что наказывают, а то, что стал достойным наказания; и не то – что недостойных удаляют из храмов, а то, что осквернен и неосвящен и неспособен воспринять пречистые *тайны*.

23. Но и демоны по природе не злы. Ибо будь они злы по природе, они были бы не от Добра, не в числе сущих, не из благих, изменивших свою природу, и были бы вечно злы.

Да и по отношению к себе они злы или для других? Если по отношению к самим себе, то самих себя и губят, если же для других, то как и что они губят: сущность, силу или энергию? Если сущность, то, прежде всего, – не вопреки природе, потому что нетленное по природе они не разрушают, а только подверженное тлению. А это не для всего зло и не совершенное [зло](#). Да и ничто из сущего не гибнет в существе и по природе, только логос гармонии и соответствия теряет – от недостатка свойственного природе порядка – способность оставаться прежним.

Немощь же не всемогуща, ибо будь она всемогуща, она покончила бы и с тлением, и с тем, что ему подвержено, и такая погибель была бы погибелью и ее самой. Так что это не зло, а недостаток добра. Того же, что совершенно непричастно Добру, не находится среди сущих. Это рассуждение применимо и к погибели силы и энергии.

Далее, как сотворенные Богом демоны могут быть злыми? Ведь Добро вводит в бытие и являет добро. Хотя они, скажет кто-нибудь, и зовутся злыми, но – не поскольку существуют, ибо они происходят от Добра и получили хорошую сущность, но поскольку не существуют, оказавшись не в состоянии, как говорят Речения, «сохранить свое достоинство» ([Иуд. 6](#)). В чем же, скажи мне, демоны стали хуже, говорим мы, как не в том, что они утратили связанные с божественными благами свойство и энергию?

В противном случае, если демоны злы по природе, то они вечно злы. Но зло неустойчиво. Так что, если демоны пребывают вечно одними и теми же, то они не злы, потому что вечное тождество – свойство Добра. Если же они не всегда злы, то злы не по природе, а от недостатка ангельских благ. И они не совершенно непричастны Добру, поскольку существуют, живут, думают и вообще у них есть какое-то движение желания. Что они злы, говорят из-за того, что они оказались неспособны к соответствующей их природе деятельности. Их зло – это отступничество, уход от того, что им подобает, упущение, несовершенство и бессилие, ослабление, отступление и отпадение от создающей их совершенство силы.

В частности, что такое демонское зло? Бессмысленная ярость, безумная страсть, необузданная фантазия? Но это, хоть и свойственно демонам, не представляет собою ни совершенного зла, ни зла для всех, ни самого по себе зла. Ведь и у некоторых животных не одержимость этим, а лишение этого означает гибель для животного и зло. Одержимость же этим спасает и дает возможность существовать наделенной такими свойствами природе животного. Таким образом, демонский род представляет собой зло не тем, чем он является по природе, а тем, чем он не является. И все данное демонам добро не изменилось, но они от всего данного им добра отпали. О данных им ангельских дарах мы никогда не скажем, что они изменились, они ведь существуют и невредимы и лучезарны, хотя те и не видят их, лишив самих себя способности видеть Добро.

Так что поскольку *демоны* существуют, они существуют из Добра, и они благи, и стремятся к Прекрасному-и-Добру, желая быть, жить и постигать сущее. А по причине лишения, удаления и отпадения от подобающих им благ они называются злыми. И они и суть злы в той мере, в какой не существуют. А желая не-сущего, они желают зла.

24. Но пусть кто-то скажет, что души злы? Если – оттого, что они осмотрительно и спасительно сосуществуют со злыми, то это не зло, а добро и от Добра, добродетельного даже по отношению ко злу. Если же скажем, что души озлобляются, то от чего они озлобляются, как не от оскудения благих свойств и способностей и оттого, что по собственной немощи допускают погрешности и поскальзываются? Ведь и окружающий нас воздух темнеет, говорим мы, от убывания и отсутствия света. А сам свет всегда есть свет, освещающий тьму. Так что ни свойственное демонам, ни нам свойственное зло не представляет собою сущее зло, но есть лишь недостаток, отсутствие полноты свойственных нам благ.

25. Но и в бессловесных животных нет зла. Ведь если отнимешь у них ярость, похоть и тому подобное, что называют, но что не является просто присущим их природе злом, то потерявший мужество и гордость лев уже не будет львом, ставшая ко всем ласковой собака уже не будет собакой, если только дело собак – допускать своих и отгонять чужих. Так что то, что

не губит природу, не является злом, гибель же природы – слабость и нехватка природных свойств, энергии и сил. И если все рожденное достигает совершенства во времени, то и несовершенное не вовсе вне всякой природы.

26. Но и во всей природе нет зла. Ведь если все природные логосы происходят из всеобщей природы, то нет ничего, что существовало бы вопреки ей. Каждой же особенной природе одно соответствует, а другое не соответствует. Разной природе разное противоестественно, и то, что для одной естественно, для другой противоестественно. Зло природы – противоестественность, отрицание природы. Так что нет злой природы, зло же природы состоит в неспособности исполнить свою природу.

27. Но и не в телах зло. Ибо некрасивость, болезнь – это ущерб вида и нарушение порядка. Это не совершенное зло, но меньшее добро. Когда же происходит полное разрушение красоты, вида и порядка, погибает и само тело. Но то, что тело не является причиной порочности души, ясно из того, что порочность может появиться и без тела, как то случилось у демонов. Зло же и для умов, и для душ, и для тел есть слабость в пользовании и уклонение от обладания собственными благами.

28. Но – вопреки широко распространенному мнению – и не в материи зло, происходящее, как говорят, оттого, что она является материей. Ведь и она причастна к порядку вещей, к их красоте и виду. Если бы, пребывая вне их, материя была бы бескачественна и безвидна, как могла бы она что-либо причинять, не обладая сама по себе способностью подвергаться воздействию?

Как же иначе материя может быть злом? Если она ничуть никак не существует, то она и не добро, и не зло. Если же она как-то существует, а все сущее – от Добра, то и материя должна происходить от Добра; и либо Добро оказывается творцом зла, либо зло как происходящее от Добра оказывается добром, либо зло оказывается творцом добра, либо и добро, как происходящее от зла, оказывается злом, или же существуют два начала, исходящие из одного главенствующего третьего.

Если же, говорят, материя необходима для полноты всего мира, то как же материя – зло? Это ведь разные вещи – зло и необходимость. Возможно ли, чтобы Благой вводил для рождения что-то из зла? Или, может быть, зло нуждается в Добре? Зло ведь избегает природы Добра. Материя, будь она злой, разве могла бы породить и питать природу? Ведь зло как таковое не способно ни породить, ни питать, ни вообще что-либо создавать и сохранять.

Если же скажут, что она не творит в душах зло, а привлекает их к нему, как может это быть истиной? Многие ведь из них глядят на [Добро](#). Однако же, было ли бы это возможно, если бы материя полностью привлекала их ко злу? Так что не от материи в душах зло, но от бесчинного греховного движения. Если же скажут, что это неизбежно связано с материей, непостоянная же материя необходима для неспособных основываться на самих себе, то – как может зло быть необходимым или необходимым злым?

29. Но то, что мы называем ущербностью, не своей силой борется с Добром. Ибо совершенная ущербность совершенно бессильна; частичная же имеет силу не как ущербность, а как не совершенная ущербность. Ведь когда ущербность частичка, это еще не зло, а пока она становится полной, природа зла уже ушла.

30. Суммируя, можно сказать, что добро происходит от единой всеобщей Причины, зло же от многих частичных оскудений. Бог знает зло как добро, и для Него причины зол являются благотворящими силами. Если же зло вечно, созидательно, могущественно, существует и

действует, тогда откуда у него это? От Добра? Или у Добра – от зла? Или же оба они – от иной причины?

Все, что сообразно природе, рождается по определенной причине. Если же зло беспричинно и неопределенно, то оно не сообразно природе, ибо в природе нет ничего противоестественного, как нет выражения безыскусности в искусстве. Или же душа – причина зол, как огонь – жара, и всему, к чему приближается, причиняет зло? Или же природа души добра, но своими действиями она когда такова, а когда и не такова? Если же по природе и само бытие ее зло, то откуда у нее бытие? Разве не от созидательной благой Причины всего сущего? Если же от Нее, то может ли она в своем существе быть злой? Ведь все Ее порождения благи. Если же – своими действиями, то это не непреложно. Если же не так, то откуда берутся ее добродетели и благовидность? Остается считать, что зло представляет собой слабость и убывание Добра.

31. Причина благ едина. Если зло противоположно Добру, то причин зла много. Не смыслы ведь и силы производят зло, но бессилие, слабость и несоразмерное смещение несхожего. Зло и не неподвижно и не всегда одно и то же, но неограниченно, беспредельно, способно быть переносимо в другое, такое же беспредельное. Всего же злого и началом и концом оказывается Добро, ибо все существует ради Добра – и то, что благо, и то, что ему противоположно, ибо и это мы творим, благого желая: никто ведь, на зло обращая взор, не творит то, что творит. Так что зло не имеет субстанции, но лишь ее подобие, появляясь не ради самого себя, но ради Добра.

32. Злу надо приписать случайное бытие, возникающее благодаря другому, а не из собственного начала. Являясь, оно представляется правым, потому что ради Добра является, по сути же оно не право, потому что не-добро мы принимаем за Добро.

Оказывается, желаешь одного, а получается другое. Таким образом, зло вне пути, вне цели, вне природы, вне причины, вне начала, вне конца, вне предела, вне желания, вне субстанции. Следовательно, зло есть ущербность, недостаток, немощь, несоразмерность, [грех](#), бесцельность, безобразие, безжизненность, безумие, бессловесность, необдуманность, безосновательность, беспричинность, неопределенность, бесплодность, бездеятельность, безуспешность, беспорядочность, несхожесть, неограниченность, темнота, бессущественность и само никогда никак ничего не-существование.

Как вообще способно на что-нибудь зло? Подмешиваясь к добру. Ибо то, что совершенно непричастно Добру, и не существует, и ни на что не способно. А ведь если Добро и суще, и желанно, и мощно и деятельно, как может что-либо противостоять Добру, будучи лишено и воли, и силы, и энергии? Не всякое зло одинаковое зло для всех и во всех случаях. Демонское зло – бытие вне благовидного ума, зло для души – бессмысленность, зло для тела – противоречие природе.

33. Как вообще зло существует при существовании Промысла? Не существует зла как зла, оно не суще и не среди сущих. И ничто из сущего не вне Промысла, и зла ведь нет сущего, не смешанного с Добром. И если нет ничего сущего, непричастного Добру, зло же есть недостаток Добра, ничто из сущего не лишено Добра полностью, во всем сущем – Божий промысел, и ничто из сущего не вне Промысла. Но и оказывающимися злыми Промысел благоподобно пользуется для их же или других частной или общей выгоды и соответствующим каждому из сущих образом о них промышляет.

Потому-то и не принимаем мы неосновательного мнения многих, что Промысел должен и против воли вести нас к добродетели, что вредить природе не свойственно Промыслу. Ибо

спасительный Промысел поддерживает всякую природу движущихся самостоятельно именно как движущихся самостоятельно – и всех вместе, и каждого в отдельности, – в той мере, в какой природа тех, о ком он промышляет, способна воспринимать от всецелого и всевозможного Промысла подаваемые соразмерно каждому промыслительные блага.

34. Так что зло не-сущее, и зла нет среди сущих. Зло как таковое не существует нигде. Зло возникает не от силы, но от слабости. Даже у демонов то, что они собой представляют, – и происходит от Добра и представляет собой добро. Свойственное же им зло – следствие их отпадения от собственных благ, уклонение от тождественности и неспособность обладать подобающим им ангелоподобным совершенством. Они желают добра, когда они желают быть, жить и думать. И если они не желают добра, они желают не-сущего. И это уже не желание, а погрешность относительно истинного желания.

35. Речения называют согрешающими в разуме тех, у кого от слабости иссякает незабываемое знание или делание добра; кто знает Волю и не творит; слышал о Добре, но ослабел верой или энергией. А для некоторых нежелательно разуместь, как делать добро, по причине перемены или оскудения желания.

И вообще зло, как мы многократно сказали, есть изнеможение, слабость и оскудение либо знания, либо незабываемого знания, либо веры, либо желания, либо энергии Добра.

Но кто-нибудь скажет, что слабость заслуживает не наказания, а прощения. Если бы быть сильным было невозможно, это было бы справедливо. Но если быть сильным зависит от Добра, дающего, согласно Речениям, то, что соответствует всем вообще, то заблуждение, уклонение, избавление и отпадение от собственных происходящих от Добра благ непохвальны. Но об этом мы достаточно сказали по мере сил в трактате «О справедливом и божественном суде». В этом священном сочинении истина Речений подвергла порке софистические несправедливые и лживые высказывания о Боге как лишённые смысла слова.

Теперь мы достаточно воспели Добро как нечто воистину изумительное, как Начало и Конец всего, как совокупность сущих, как видотворение не-сущих, как Причину всех благ, как непричину зол, как Промысел и совершенную Благость, превосходящую сущее и не-сущее, обращающую во благо зло и недостаток себя, желанную всем, возлюбленную всеми, к Которой все питают склонность, и все другое, что было показано в предшествующем истинном, как я думаю, слове.

Глава пятая

Об имени «Сущий», в ней же и о первообразах

1. Теперь следует перейти к воистину сущему богословскому наименованию существа истинно Сущего. Напомним, что цель слова не в том, чтобы разъяснить, каким образом сверхсущественная Сущность сверхсущественна, так как это невыразимо, непознаваемо, совершенно необъяснимо и превосходит самое единение, но – в том, чтобы воспеть творящее сущность выступление богоначального Начала всякой сущности во все сущее.

Ведь божественное имя Добро, разъясняющее все выступления всеобщей Причины, распространяется и на сущее и на не-сущее и превышает и сущее, и не-сущее. И имя Сущий распространяется на все сущее и превышает сущее. И имя [Жизнь](#) распространяется на все живое и превышает живое. И имя Премудрость распространяется на все мыслящее, разумное и воспринимаемое чувствами и превышает все это.

2. Таким образом, слово стремится воспеть эти божественные имена, разъясняющие Промысел. Оно ведь не обещает разъяснить самосверхсущественную Доброту, Сущность, [Жизнь](#) и

Премудрость самосверхсущественной Божественности, сверхоснованные, как говорят Речения, превыше всякой доброты, божественности, сущности, жизни и премудрости в тайных сферах, но только воспевают разъясненный благодетельный Промысел, Благодетель по преимуществу и Причину всех благ, сущее, жизнь, премудрость, а также творящую сущее, творящую жизнь и дающую Премудрость Причину тех, кто причастен сущности, жизни, уму, смыслу и чувству.

Оно отрицает, что Добро это одно, Сущее это другое, а Жизнь или Премудрость третья, что существует много примани и что разное производится разными божественностями, высшими и низшими, но говорит – что все благие выступления и воспеваемые нами божественные имена принадлежат единому Богу и что одно разъясняет бытие совершенного Промысла единого Бога, а другие – более общие или более частные Его проявления.

3. Однако же кто-нибудь скажет: в силу того, что сущее простирается шире, чем жизнь, а жизнь – шире, чем премудрость, разве живущие не выше сущих, чувствующие – живущих, осмысленные – чувствующих, а умопостигаемые – осмысленных, поскольку существуют около Бога и наиболее близки к Нему? Ведь тем, кто получил от Бога большие дары, подобает и быть лучшими и превосходить других.

Если кто-нибудь может представить себе умные существа не имеющими ни бытия, ни жизни, то рассуждение верно. Если же божественные умы превосходят остальные существа, живут выше прочих живущих, понимают и знают то, что превышает чувство и разум, и больше всех сущих стремятся к Прекрасному-и-Добру и причастны к Ним, то они и ближе к Добру, как более Ему причастные и большее количество больших благ от Него получившие, – подобно тому, как осмысленные существа превосходят чувствующие даром разума, те прочих – чувствами, а другие остальных – наличием жизни. И мне кажется, верно то, что более причастные единому беспредельно-дарующему Богу ближе к Нему, чем остальные, и более божественны.

4. Поскольку мы и об этом заговорили, воспоем же Добро как воистину Сущее, вообще всех сущих существование творящее. Сущий ([Исх. 3, 14](#)) является сверхсущественной субстанциальной Причиной всякого возможного бытия, Творцом сущего, существования, субстанции, сущности, природы, начала, и Мерой веков, и Реальностью времен, и Вечностью сущих, и Временем возникающих, и Бытием всего, что только бывает, и Рождением всего, что только появляется.

Из Сущего – и вечность, и сущность, и сущее, и время, и возникновение, и возникающее, сущее в сущих и каким бы то ни было образом возможное и наставшее. И существует Сущий Бог ведь не как-то *иначе*, но просто и неопределенно, все бытие содержа в Себе и предымея. Потому Он и называется «Царем веков» (Тим. 7, 17), что в Нем и около Него – все, что относится к бытию, к сущему и к наставшему, Его же Самого не было, не будет и не бывало, Он не возникал и не возникнет, и более того – Его нет. Но Он Сам представляет Собою бытие для сущих; и не только сущие, но и само бытие сущих – от предвечно Сущего, ибо Он Сам есть Век веков, пребывающий до веков.

5. Возвращаясь к рассуждению, скажем, что всех сущих и веков бытие – от Предсущего; и всякие вечность и время-от Него; и всяких вечности и времени и всего чего бы то ни было сущего Он – предсущее Начало и Причина; и Ему все причастует; и ни от чего из сущего Он не отступает; и Сам существует до всего, и все в Нем составилось; и вообще, если что бы то ни было есть, в Предсущем то и есть, и уразумевается, и сохраняется; и бытие предоставля-

ется прежде других Его причастий; и само по себе бытие старше бытия самой-по-себе-жизни, бытия самой-по-себе-премудрости, бытия-самого-по-себе божественного подобия; и остальное, чему сущее причастно, прежде всего того причастно бытию; более того, все то, чему причастно сущее, само по себе причастно самому по себе бытию; и нет ничего из сущего, сущность и век чего не были бы самим бытием.

Прежде всего, таким образом, Бог по праву воспевается от самого старшего из всех Его даров как Сущий. Ибо предымея и сверхимея предбытие и сверхбытие, Он сначала создал бытие вообще – я имею в виду само по себе бытие, – а затем с помощью самого бытия создал все что только есть сущего. И все начала сущего причастуют бытию и сути, и суть начала, и сначала суть, а потом суть начала.

И если хочешь назвать начало живых как живых, то это сама-по-себе-жизнь, подобных как подобных – само-по-себе-подобие, соединенных как соединенных – само-по-себе-единство, упорядоченных как упорядоченных – сам-по-себе-порядок, и других, причастных тому или другому, или и того и другого, или многого, – то или другое, или и то и другое, или многое; и ты найдешь, что само-причастуемые сначала сами причастны Бытию и прежде благодаря Бытию существуют, а потом делаются причиной того или другого, будучи по причине причастности Бытию и сущими, и причастуемыми. И если они существуют благодаря причастности Бытию, то тем более – те, что им причастны.

6. Само-сверхблагодать воспевается как предлагающая в качестве первого дара само Бытие для важнейшего, первого из причастий. Из Нее и в Ней существуют и само Бытие, и начала сущих, и все сущее, и все каким бы то ни было образом удерживаемое бытием, и происходит это неудержимо, совокупно и едино. Ведь и всякое число единовидно предсуществует в единице, и единственно единица содержит в себе всякое число и все числа объединены в единице, и чем дальше число от единицы удаляется, тем больше оно делится и умножается.

Так и все проходящие через центр линии одного круга имеют одну общую точку, и эта точка равным образом объединяет все эти прямые друг с другом и с их общим началом, из которого они выходят; в этом центре они совершенно соединяются. Немного от него отступив, они немного расходятся, больше отойдя, – больше. Короче, чем ближе они к центру, тем больше они с ним и друг с другом соединены, а чем дальше от него, тем больше они удалены и друг от друга.

7. Но и во всем всеобщем естестве всё принадлежащее каждой отдельной природе сгруппировано в неслиянное единство, и равным образом в душе – соответствующие мере каждого промыслительные силы всего тела.

Ничего нет предосудительного в том, чтобы, от слабых образом перейдя ко всеобщей Причине, сверхмирными очами увидеть все во всеобщей Причине – даже друг другу противоположное – единовидно и соединенно, ибо Она – Начало сущего, из которого и Само Бытие, и все как бы то ни было сущее: всякое начало, всякая граница, всякая жизнь, всякое бессмертие, всякая премудрость, всякий порядок, всякая гармония, всякая сила, всякая охрана, всякое основание, всякое разделение, всякое разумение, всякое слово, всякое чувство, всякое свойство, всякая неподвижность, всякое движение, всякое объединение, всякое слияние, всякая любовь, всякое соединение, всякое разделение, всякий предел и прочее, что, благодаря Бытию существуя, все сущее характеризует.

8. И из этой всеобщей Причины происходят и умопостигаемые и разумные сущности боговидных ангелов, и естества душ и всего мира, и то, о чем говорится как о существующем ка-

ким бы то ни было образом – либо в чем-то другом, либо в идее. Ибо всесвятые и важнейшие силы, воистину сущие и в как бы преддверии сверхсущественной Троицы утвержденные, от Нее и в Ней имеют и бытие, и боговидное бытие, а следом за ними и меньшие – в меньшей мере, и наименьшие – предельно мало, но как ангелы – по отношению к нам – сверхмирно. И души, и все остальное сущее подобным же образом и бытие и благоденствие имеют, и существуют, и благоденствуют, от Пржедсущего получая бытие и благоденствие: в Нем – и сущее и благим образом сущее, из Него начинаемое, в Нем сохраняемое и в Нем завершающееся.

Старейшинство же Он уделяет лучшим сущностям, которых Речения называют вечными. Бытие же всех сущих само никогда не исчезает. А Само Бытие – от Пржедсущего, и Ему принадлежит Бытие, а не Он Бытию; и в Нем есть Бытие, а не Он в Бытии; и Его имеет Бытие, а не Он Бытие. И Он Сам есть и Вечность, и Начало, и Мера Бытия, существуя до сущности, сущего и вечности и будучи творящим сущность Началом, ее Серединой и Концом. И потому воистину Предсущий многократно умножается Речениями соответственно всякому помыслу сущих и воспевается по справедливости так, как Он был, есть, будет, произошел, происходит и произойдет. Для воспевающих богоподобно это ведь все означает, что Он пребывает сверхсущественным по отношению ко всякому помыслу и является причиной где бы то ни было сущих. А не то, что что-то Он есть, а что-то Он не есть, здесь Он есть, а там Его нет; Он – всё как предшествующая всему Причина всего, в Себе все начала, все завершения всех сущих имеющая и предымеющая, и Он выше всего как прежде всего сверхсущественно Сверхсущий, Почему Ему всё одновременно и атрибутируется, а Он ничем из всего не является. Он всеобразен, всевиден, бесформен, некрасив, начала, середины и концы сущих недостижимо и запредельно в Себе предымея, всем сообразно одной сверхъединой причине посылающий незамаранно как свет бытие. Ведь если наше солнце сущности и качества чувственных существ – хотя их много и они различны, а оно одно, – сияя однородным светом, обновляет, и питает, и сохраняет, и совершенствует, и разделяет, и соединяет, и согревает, и делает плодотворящим, и растит, и изменяет, и укореняет, и рождает, и движет и оживляет все, и каждое из всех соответствующим ему образом одного и того же единого солнца причаствует, и единое солнце в себе равным образом причины многих причастников предымеет, то следует признать, что Тот, Кто является Причиной и солнца, и всего, гораздо более преобладает первообразами всех сущих в едином сверхсущественном соединении, поскольку Он и сущность являет после отхода от сущности. Первообразами же мы называем предсуществующие в Боге в единстве творящие сущность логосы сущих, каковые богословие называет предначертаниями и божественными и благими пожеланиями, разделяющими и творящими сущее, в соответствии с которыми Сверхсущественный все сущее и предопределил и осуществил.

9. Философ Климент считает то, что называют первообразами, начальнейшими среди существ, но слово используется им не в его главном, полном и простом значении. Допуская, что и это сказано правильно, следует вспомнить, что говорит богословие: «Я показал тебе это не для того, чтобы ты последовал за этим», – но чтобы, пользуясь соответствующим этому знанием, мы восходили, как только можем, ко всеобщей Причине. Ибо все сущее, в виду запредельного единства всего, подобает связывать с Ней: ведь начиная творящее сущность выступление во-внебытием и благостью, и через все проходя, и наполняя Собой все бытие, и всему сущему радуясь, Она все в Себе предымеет; единым преимуществом простоты, отвергнув всякую двойственность, все равным образом охватывает Она Своей сверхпростой

бесконечностью, и всему персонально причаствует, – подобно тому как голос, будучи одним и тем же, многими ушами воспринимается как один. 10. *Всех сущих ведь Начало и Окончание – Предсущий: Начало – как Причина, Окончание же – как Тот, ради Которого они существуют; образом, превосходящим их кажущуюся противоположность, Он – и Предел всех, и Беспредельность всяких беспредельности и предела. Все сущее в едином, как часто говорилось, Он предымеет и создал, пребывая во всем и повсюду Одним и Тем же; и все как Тот же проникая и на все исходя, и пребывая в Себе Самом; и покаясь и двигаясь, и не покаясь и не двигаясь; ни начала не имея, ни середины, ни конца, и ни в чем из сущих и ничем из сущих не будучи. И вообще ничто Ему не подходит из вечно сущих и из подвластных времени, но и для времени, и для вечности, и для всех*

тех, кто в вечности и во времени, Он запределен, потому что и сама-по-себе-вечность, и сущее, и мера сущих, и измеряемое – через Него и от Него. Но об этом благовременнее будет сказать в другой раз.

Глава шестая

Об имени «Жизнь»

1. А теперь нам следует воспеть Жизнь вечную, из Которой происходит сама-по-себе-жизнь и всякая жизнь и от Которой во все как бы то ни было жизни причастное распространяется свойственная каждому жизнь. Даже и бессмертных ангелов жизнь и бессмертие, и сама безостановочность ангельского вечного движения – из Нее и благодаря Ей и суть и появились; благодаря Ей и говорят о всегда живущих как о бессмертных, но с другой стороны – и как о небессмертных, – потому что они не сами по себе имеют возможность бессмертно быть и вечно жить, но – от животворящей, всякую жизнь творящей и содержащей Причины.

И как о Сущем сказали мы, что Он есть век самой-по-себе-жизни, так и здесь опять скажем, что божественная Жизнь саму-по-себе-жизнь оживляет и делает субстанциальной; и всякие жизнь и жизненное движение происходят из Жизни, всякую жизнь и всякое начало всякой жизни превосходящей. От Нее и души имеют неуничтожимость, а все животные и растения – жизнь, – представляющую собой самый далекий отголосок жизни. При Ее исчезновении, согласно Речениям, исчезнет всякая жизнь, а с Нею и погибшее от бессилия причаствовать к Ней, возвращаясь внове, снова становится живым.

2. И первой получает дар быть жизнью сама-по-себе-жизнь, далее вся жизнь и поотдельности каждое, чему дано быть, – способность жить соответствующим образом. Жизням сверхнебесным дается невещественное боговидное неизменное бессмертие и неуклонное непреложное вечное движение, что благодаря избыточествующей благодати распространяется и на жизнь демонов, ибо не от другой, но от той же самой Причины она имеет дар быть жизнью и пребывать. А людям как смешанным даруется ангеловидная жизнь по возможности; от избытка человеколюбия она и отошедших нас к себе обращает и призывает; и еще более божественно то, что обещано нас целиком, то есть души с сопряженными с ними телами переставить к совершенной жизни и бессмертию. В древности это показалось бы противоестественным, мы же с тобой и [Истина](#) считаем это делом божественным и превосходящим природу.

Я имею в виду – превосходящим видимую нами природу, не всемогущую божественную Жизнь, ибо по отношению к Ней, Природе всех живущих и особенно – существ более божественных, никакая жизнь не вне природы или выше природы. Так что полемические слова об этом Симонова безумия да будут далеко отогнаны от божественного сообщества и твоей

священной души. Ибо он забыл, как я думаю, и считает себя от этого мудрым, о том, что благоразумному человеку не следует пользоваться явным свидетельством чувства как союзником в борьбе против неясной Причины всего. И ему надо сказать: ты говоришь против природы, ибо ничего нет, что было бы вопреки ей.

3. От Нее получают жизнь и заботу все животные и растения. И умопостигаемую ли, разумную ли, чувствующую ли, или питательную и растительную, или какую-либо другую жизнь ни назови, или начало жизни, или сущность жизни, все из Нее, превышающей всякую жизнь, и живет, и оживляется, и в Ней как в причине единым образом предсуществует. Ибо сверхживая и живоначальная Жизнь есть причина, оживительница, умножительница и разделительница всякой жизни и всякой жизнью должна быть воспеваема, соответственно плодородию всех живых, как всевозможная и вообще Жизнь, – созерцаемая и воспеваемая, – не как нечто нуждающееся в жизни, а как переполненное жизнью само-по-себе-живое, больше всякой жизни животворящее и сверхживущее, превышающее то, как человек может воспеть невыразимую Жизнь.

Глава седьмая

Об именах «Премудрость», «Ум», «Слово», «Истина», «Вера»

1. Теперь, если ты не против, воспоем благую и вечную Жизнь как премудрую и как саму-по-себе-премудрость, а главное как основу всякой премудрости, превыше всякой премудрости и сознания сущую. Ибо Бог не только исполнен премудростью, «и разума Его нет числа» (77с. 146, 5), но Он и выше всякого слова, разума и премудрости.

Это сверхъестественно уразумев, поистине божественный муж, общее наше и наставника солнце, и сказал: «Немудрое Божие премудрее человеков» (7 Кор. 1, 25), – не только потому, что всякая человеческая мысль есть какой-то обман по сравнению с божественными совершеннейшими разумениями с их твердостью и непоколебимостью, но и потому что для богословов обычно применять к Богу отрицания в обратном смысле. Так, и всесветлый свет Изречения называют «невидимым»; Многопетого и Многоименного они называют «Неизреченным и Безымянным»; повсюду Пребывающего и во всем Обнаруживаемого – «Непостижимым и Ненаходимым». Таким же образом, говорят, и ныне божественный апостол воспекает мнимую «глупость Божию» (ср. [1Кор. 1, 21, 25](#)): то, что в ней кажется странным и нелепым он возвел к невыразимой предшествующей всякому слову истине.

Но, как я сказал в другом месте, постигая превосходящее нас свойственным нам образом, окутанные врожденными нам чувствами, низводя божественное до привычного нам, мы заблуждаемся, старясь через явленное постичь невыразимое божественное Слово. Следует знать, что наш ум обладает способностью думать, благодаря чему он видит мыслимое, и превосходящим природу ума единством, благодаря которому он прикасается к тому, что выше его. В соответствии с этим, божественное надлежит постигать не нашими силами, но полным самих себя из самих себя исступлением и в Божьих обращении. Лучше ведь быть Божьими, чем своими, ибо кто окажется с Богом, тому и будет дано божественное.

Чтобы воспеть такую бессловесную, безумную и глупую Премудрость наилучшим образом, скажем, что Она есть причина всякого ума и смысла, всякой премудрости и сознания, что Ей принадлежит всякая воля, от нее – всякое знание и сознание, и в Ней «все сокровища премудрости и ведения» «сокрыты» ([Кол. 2, 3](#)). Сверхпремудрая и всепремудрая Причина, согласно уже сказанному, есть ведь основание и самой-по-себе-премудрости, и всей мудрости в целом и во всех ее видах.

2. От Нее уразумеваемые и уразумевающие силы ангельских умов получают простые и блаженные разумения. Не в частностях, или от частностей, или от чувств, или из слов выводя, собирают они божественное знание, и ничем, что имеет с этим общее, не пользуются, но чистые от всего материального и множественного, они умственно, нематериально, единовидно уразумевают умопостигаемое в божественном. И пребывает их умственная сила и энергия облаченной в беспримесную и незапятнанную чистоту, способной видеть божественные мысли, своей нерасчлененностью, нематериальностью и боговидным единством отражая, насколько это возможно, благодаря божественной Премудрости, божественные сверхпремудрые Ум и Слово.

И души наделены осмысленностью и им свойственно двигаться поступательно и вокруг истины сущих, но, по причине частичности и разнообразной изменчивости, они остаются ниже объединенных умов, однако же, благодаря способности собирать многое воедино – в той мере, в какой это душам свойственно и возможно, – они удостаиваются равноангельских разумений. Но и сами чувства, не погрешив против истины, можно назвать эхом Премудрости. Также и демонский ум, – в той мере, в какой он ум, – происходит от Нее; но постольку, поскольку он обесмыслен и стремится достичь того, чего не знает и не желает, его с большим правом надо назвать и отпадением от Премудрости.

Но если божественная Премудрость называется началом, причиной, основой, завершением, защитой и пределом самой премудрости и всякой премудрости, всякого ума и смысла, и всякого чувства, как же Сам сверхпремудрый Бог воспевается как Ум, Слово и Знаток? Ибо как Он может воспринять что-либо из умопостигаемого, не имея умственной энергии, или как Он может познать чувственное, пребывая выше всякого чувства? А Речения говорят, что Он все знает, и ничто не избегает божественного ведения.

Но, как я часто говорил, божественное следует понимать подобающим божественному образом. Ведь применительно к Богу безумие и бесчувственность надо трактовать, подразумевая преимущество, а не недостаток, – равно как и приписывая бессмысленность Превосходящему смысл, несовершенство – Сверхсовершенному и Просовершенному, неосязаемый и невидимый мрак – Свету неприступному, превосходящему видимый свет. Так что божественный Ум все понимает запредельным всему знанием, как Причина всего, в Себе сосредоточив опережающее знание всего, прежде появления ангелов зная и производя ангелов, и все остальное зная и вводя в существо изнутри, с самого, так сказать, начала. Я думаю, именно это имеют в виду Речения, говоря: «Знающий все прежде бытия их» ([Дан. 13, 42](#)). Не от сущих ведь, изучая сущее, имеет ведение божественный Ум, но от Себя и в Себе: как Причина Он предвидит и просодержит разумение, знание и сущность всего, не по наружности судя о каждом, но как знающий и содержащий единую причину всего, – подобно тому как свет, являясь причиной тьмы, предвидит в себе ее знание, не от иного чего зная тьму, как только от света.

Ведь, зная Себя, божественная Премудрость знает все материальное нематериально, расчлененное нерасчлененно, множественное объединенно, этим самым единым все и познавая и производя. И если по одной причине Бог всем сущим передает бытие, то по той же единственной причине Он и знает все как из Него сущее и в Нем пред-существующее, не от сущих получая знание о них, но Сам подавая каждому из них самопознание и знание других.

Таким образом, Бог не имеет особого знания, каким Он знает Сам Себя, а другого общего – каким Он объем-лет все сущее. Зная ведь Себя, Причина всего едва ли не знает того, что

происходит из Нее и причиной чего Она является. Так что Бог знает сущее тем же знанием, каким знает Себя, а не в результате изучения сущего.

Речения говорят, что и ангелы ведь знают происходящее на земле, не с помощью чувств познавая это сущее, хотя они, все эти вещи, ощутимы, а согласно свойственной их боговидному уму силе и природе.

3. Вдобавок к сказанному следует задаться вопросом как мы познаем Бога, не относящегося ни к умственному, ни к чувственному, ни вообще к сущему. Пожалуй, правильно будет сказать, что мы познаем Бога не из Его природы, ибо она непознаваема и превосходит всякие смысл и ум, но из устройства всего сущего, ибо это – Его произведение, хранящее некие образы и подобия Его божественных прообразов; пускаясь далее в отрицание всего, путем и чином, по мере сил, выходя за пределы всего, мы восходим к превосходящей все Причине всего. Так что Бог познается и во всем и вне всего.

И разумом Бог познается, и неразумием. И Ему свойственны и разумение, и смысл, и знание, и осознание, и чувство, и мнение, и воображение, и имя, и все прочее, и Он и не уразумеваем, не осознаваем, не называем. И Он не есть что-то из сущих, и ни в чем из сущих не познается. И Он есть «все во всем» и ничто ни в чем, и от всего всеми Он познается, и никем ни из чего. И то ведь говорим мы о Боге правильно, что от всех сущих, чьей причиной Он является, соответствующим образом Он воспевается.

И существует также божественнейшее познание Бога, осуществляемое через незнание путем превосходящего ум единения, когда ум, отступив от всего сущего, оставив затем и самого себя, соединившись с пресветлыми лучами, оттуда и там освещается недоступной исследованию глубиной Премудрости. Хотя, как я сказал, подобает Ее познавать и во всем, ибо она, согласно Речениям, создательница всего, постоянно всем управляющая, и причина несокрушимого соответствия и порядка, постоянно соединяющая завершения первых с началом вторых, прекрасно творящая из всего единую симфонию и гармонию.

4. Как «Слово» же Бог воспевается священными Речениями не только потому что Он податель и слова, и ума, и премудрости, но и потому, что Он единым образом прообъемлет в Себе причины всего и во все распространяется, пронизывая, как говорят Речения (ср. Прем. Сол. 7, 24; 8, 7), все до конца, а прежде всего потому, что божественное Слово простотой превосходит всякую простоту и, от всего свободное, все сверхсущественно превышает. Это Слово представляет собой простую и поистине сущую истину, в согласии с которой, как чистым и необманчивым знанием сущих, существует божественная вера, постоянное утверждение верующих, истиной их и им истину утверждающее в непреложном тождестве. Так что верующие имеют простое знание истины. Ведь если знание объединяет познающих и познаваемое, а незнание есть причина вечного изменения и дробления неведающего в самом себе, то того, кто уверовал в Истину по священному Слову, ничто не отгонит от очага истинной веры, у которого он способен сохранить постоянной недвижимую и непреложную тождественность. Ведь объединившийся с Истиной хорошо знает, что он в своем уме, даже если многие увещивают его как из ума поступившего. Как и подобает, от них остается сокрытым, что он благодаря сущей вере иступил из обмана в Истину, а он сам поистине знает, что – вопреки тому, что они говорят, – он не безумен, но освобожден от непостоянного и изменчивого блуждания во всевозможном разнообразии обмана простой и вечно в равной степени равной себе Истиной. Так ведь и первенствующие вожди нашей бого-премудрости каждый день умирают за Истину, всяким словом и делом свидетельствуя, как и подобает, что единственное в своем

роде христианское знание Истины – самое из всех простое и божественное, и более того, – что оно есть единственная истина и единое и простое богопознание.

Глава восьмая

Об именах «Сила», «Справедливость», «Спасение», «Избавление»; в ней же о неравенстве

1. Но поскольку божественную Правду и сверхпремудрую Премудрость богословы воспевают и как Силу, и как Справедливость, и Спасением Ее зовут и Избавлением, давай и эти божественные имена, по мере возможности, объясним. Что Богоначалие запредельно превосходит какую бы то ни было сущую и воображимую силу, не думаю, чтобы кто-нибудь, вскормленный божественными словами, не знал. Ибо богословие многократно приписывает Ему господство, отделяя Его даже от сверхнебесных сил. Почему же богословы воспевают как Силу то, что за пределами всякой силы? Или же как мы должны понять применительно к Нему именование Силой?

2. Итак, мы утверждаем, что Бог есть Сила, потому что Он про-имеет в Себе и превосходит всякую силу; потому что Он причина всякой силы, все по непреклонной и неограниченной мощи вводящая в бытие; потому что Он причина самого существования как силы в целом, так и каждой силы по отдельности; и потому что, обладая безмерной силой, Он не только доставляет силу всему, но и пребывает выше всякой, даже самой-по-себе силы. Он имеет сверхспособность бесконечное число раз создавать бесконечное число новых по сравнению с существующими сил, и бесконечные Им бесконечно создаваемые силы не могут когда-либо притупить Его сверхбезграничную силотворную силу. Кроме того, Его невыразимая, непознаваемая, невообразимая, все превосходящая сила, или избыток; мощи, позволяет Ему придавать силу немощи поддерживать и укреплять крайние из ее выражений, как это можно видеть на примере чувств: сверхъяркий свет достигает и притупленного зрения, а громкие звуки проникают, говорят, и в уши, не очень легко звуки воспринимающие. Ибо то, что вообще не слышит, уже не слух, и то, что вообще не видит, уже не зрение.

3. Это безмерно мощное преподание Божие распространяется во все сущее, и среди сущего нет ничего, что было бы совершенно лишено всякой силы, не имело бы либо умственной, либо словесной, либо связанной с чувствами, либо жизненной, либо вещественной силы. И само, если так можно сказать, бытие имеет силу быть от сверхсущественной Силы.

4. Из Нее происходят боговидные силы ангельских чинов; из Нее происходят и способность ангелов существовать неизменно, и все свойственные их бессмертным умам постоянные движения, и само их неуклонное и неубывающее стремление к добру. От беспредельно благой, Самой посылающей им это Силы они получили силу и быть таковыми, и стремиться всегда быть, и саму силу стремиться всегда иметь силу.

5. Излияния неистощимой Силы доходят до людей, животных, растений и всей природы и придают соединенному силу любить друг друга и общаться, а разделенному – силу существовать свойственным каждому образом в своих пределах, не сливаясь с другим и не смешиваясь; они поддерживают чины и благие порядки всего в собственном благе; соблюдают бессмертные жизни ангельских единиц невредимыми, а вещество и порядки небесных тел, светил и звезд неизменными; дают возможность существовать вечности; поступательными движениями разделяют круговорот времени, а возвратом в прежнее состояние, соединяют; дают огню силу не угасать, а течению воды не истощаться; массе воздуха сообщают границы; землю основывают ни на чем; ее живые порождения сохраняют неиспорченными; стихии во

взаимной гармонии и неслиянном и нераздельном взаимопроникновении сберегают; союз души и тела поддерживают, питательные и растительные силы растений приводят в действие; управляют все осуществляющими силами; неразрушаемость пребывания всего обеспечивают; и само обожение даруют, силу для этого посвященным подавая.

И вообще пет ничего из сущего, лишеного вседержительской защиты и окружения божественной Силой. Ибо не имеющее вообще никакой силы и не существует, и ничего не представляет собой, и вообще никак не имеет места.

6. Однако же Елима маг говорит: «Если Бог всемогущ, почему же ваш богослов утверждает, что Он чего-то не может?». Это он укоряет божественного Павла, сказавшего, что Бог не может «Себя отречься» ([2Тим. 2, 13](#)). Напомнив это, очень боюсь, всерьез размышляя о том, какой у этого богословский смысл, быть осмеянным за глупость, как если бы покушался разрушить непрочные, построенные играющими на песке детьми домики или старался попасть в недоступную цель.

Ведь отречение от себя есть отпадение от истины, истина же есть сущее, и отпадение от истины есть отпадение от сущего. Если, таким образом, истина есть сущее, отрицание же истины – отпадение от сущего, то Бог от сущего отпасть не может, а небытия нет. Как, пожалуй, кто-нибудь скажет: Он не может не мочь и не знает по лишенности неведения. Не уразумевший этого философ напоминает неопытных атлетов, которые в своем воображении часто считают противников слабыми, и, мужественно борясь с тенью отсутствующих и напрасными ударами смело поражая воздух, воображают, что побеждают своих противников, и восхваляют себя, даже не зная, какая у тех сила.

Мы же, подражая, по возможности, богослову, воспеваем сверхсильного Бога как всемогущего, как блаженного, как единого Владыку, как Господствующего в Своем вечном владении, как ни в чем от сущего не отпавшего, более того, превосходящего и превышающего все сущее, сверхсущественного по силе и всем сущим обильным излитием от избытка растущей силы способность быть и само бытие даровавшего.

7. Также Бог воспевается как Справедливость – как всех по достоинству наделяющий, и благомерность, и красоту, и благочиние, и устройство, и все распределения, и порядки назначающий каждому в соответствии с поистине сущим справедливейшим пределом, и для всех и каждого из них являющийся Причиной самостоятельности. Ибо все божественная справедливость учиняет и определяет, все сохраняя беспримесным, с другим не смешанным, и всем сущим каждому подобающее даруя, в соответствии с принадлежащим каждому из сущих достоинству.

И если мы это говорим правильно, то те, кто укоряют божественную справедливость, сами не понимают, что оказываются виновными в явной несправедливости, ибо заявляют, что у смертных должно быть бессмертие, у несовершенных совершенство, у существ свободных в движении внешнее принуждение, у изменчивых тождественность, совершенство силы у слабых, что сущие во времени должны быть вечными, подвижные по природе неизменными, наслаждения временные вечными, и вообще свойства одних готовы передать другим. Следует знать, что божественная справедливость потому и является поистине истинной справедливостью, что всем дает свойственное им, в соответствии с достоинством каждого из сущих, и природу каждого сохраняет согласно ее чину и силе.

8. Но кто-нибудь скажет: нет справедливости, если праведных людей оставляют без помощи, когда их угнетают злые люди. На это следует ответить: если люди, которых ты назвал пра-

ведными, любят то, чего домогаются на земле приверженцы материи, то они совершенно отпали от божественной любви, и я не знаю, как они могут быть названы праведными, предпочитая воистину возлюбленному и божественному незаслуживающее уважения и любви, недостойное их похвал. Если же они любят поистине сущее, то когда кто-то, желая чего-то, желаемое получает, следует радоваться. А не тогда ли особенно люди приближаются по добродетелям к ангелам, когда в стремлении к божественному, по возможности, отходят от пристрастия к материальному? Особенно же мужественно в этом упражняются, когда претерпевают за Добро беды. Так что истинно будет сказать, что характерное свойство божественной справедливости не прельщать и не губить мужество лучших людей материальными подаяниями, и если с кем-то это начнет происходить, не оставлять людей без помощи, но утверждать их в добром и нерасслабленном стоянии и по достоинству воздавать им за то, что они такие.

9. Эта божественная справедливость воспевается и как Спасение всех, потому что она поддерживает и сохраняет особые у каждого и несмешанные с другими сущность и чин, бесприменно будучи причиной свойственных всем особенностей поведения.

Если же кто-то воспевает Спасение и за то, что оно спасительно изымает все из худшего, мы и этого гимнопевца всеобщего спасения полностью примем и оценим за то, что первым делом в спасении он считает поддержание всего неизменным, согласным с самим собой, немятежным и несклонным к худшему; сбережение всего непобедимым, неподверженным нападениям, собственными для каждого смыслами украшаемым; избавление всех от всякого неравенства и вторжения в чужие пределы; и соблюдение пропорций каждого не меняющимися и не переходящими в противоположные. Не вопреки ведь мысли священного богословия он воспевает спасение этого рода как избавляющее все сущее всех спасающей благостью от отпадения от собственных благ, насколько природа каждого из спасаемых это допускает. Потому и называют богословы это Избавлением, что Оно не позволяет воистину сущему отпасть в небытие, и, если что-то уклоняется к погрешности и бесчинию, и претерпевает какой-то ущерб в полноте собственных благ, то Оно и его от страдания, немощи и лишения избавляет, недостающее восполняя и немощное по-отечески укрепляя, от зла возвышая и, более того, в добре восстанавливая, возмещая отпадшее благо, в чин и порядок обращая его бесчиние и беспорядок, в неповрежденное состояние возвращая и от всего испорченного освобождая.

Но об этом и о Справедливости, измеряющей и определяющей равенство всех и удаляющей всякое неравенство, происходящее от убавления свойственного всем и каждому равенства, уже было сказано. Если же кто-то имеет в виду неравенство, вообще всех от всех отличающее, то такое неравенство Справедливость оберегает, не допуская, чтобы произошло смешение всего со всем, сохраняя все сущее в соответствии с тем видом, в котором каждому свойственно быть.

Глава девятая

Об именах «Великий», «Малый», «Тот же», «Другой», «Подобный», «Неподобный», «Покой», «Движение», «Равенство»

1. Поскольку и такие имена, как Великий, Малый, Тот же, Другой, Подобный, Неподобный, Покой и Движение прилагаются ко всеобщей Причине, давай, по мере наших сил, рассмотрим и эти образы богоименования.

Бог воспевается в Речениях как «Великий», и «в величии», и в «легком дыхании», являющем божественную малость; и как «Тот же» – когда Речения говорят: «Ты же – Тот же»

([Пс. 101, 28](#)) и как «Другой» – когда те же Речения изображают Его многообразным и многовидным; и как «Подобный» – как субстанция подобных и подобия; и как «Неподобный всем», потому что нет Ему подобного. И – как «Стоящий», «Недвижимый», «Сидящий во век» и как «Движимый» – как во все проходящий; и другими подобными этим божественными именами Бог воспевается в Речениях.

2. Великим же Бог называется как обладающий Своим особенным величием, которое передается от Него всем великим, изливаясь и простираясь вне и выше всякого величия, всякое место объемля, всякое число превосходя, всякую безмерность переходя, и по причине преисполненности Его великими делами и источаемыми Им дарами, так как, делаясь всем причастными, они и по безмерном их излитии совершенно не уменьшаются, оставаясь столь же преизбыточными, и от причастий не умалются, но еще более проистекают. Величие это и беспредельно, и неизмеримо, и неисчислимо; эта чрезмерность и соответствует абсолютному и сверхпростирающемуся излитию необъятного величия.

3. Как о Малом и Тонком о Нем говорят постольку, поскольку Он находится за пределами всякого объема и измерения и беспрепятственно сквозь все проникает. Малое является ведь и причиной всего, ибо не найдешь ничего, непричастного идее малости. Применительно же к Богу Малое должно разуметь как Его свойство невозбранно проходить сквозь все и действовать во всем, «и проникать до разделения души и духа, связок и мозга костей и различающих помышлений и разумений сердца» (ср. [Евр. 4, 12](#)), и вообще всего сущего. Ибо «нет твари, сокровенной от Него» ([Евр. 4, 13](#)). Это Малое бесколичественно, бескачественно, неуловимо, бесконечно, неопределимо, всеобъемлюще, само же нсобъемлемо.

4. Имя То же указывает на сверхсущественно Вечное, непреложное, пребывающее в Себе, равным образом всегда Самому Себе равное; одновременно во всем равным образом присутствующее; твердо и чисто Само по Себе в Себе в наилучших пределах сверхсущественной тождественности утвержденное; неизменяемое, постоянное, неуклонное, неизменное, беспримесное, невещественное, простейшее; не имеющее в чем-либо нужды, нерастущее, неубывающее, нерожденное; не как бы еще не рожденное, или не полностью, или чем-то или в каком-то качестве не рожденное, и не как будто никогда никоим образом не сущее; но как высшее всего нерожденного, абсолютно нерожденное, вечно сущее; Сущее совершенным-в-собственном-смысле-слова; Сущее тем же самым Само по Себе; Самим Собой единообразно и тождественнообразно определяемое; тем же самым из Себя всем достойным причастствовать сияющее; одно с другим сочетающее по причине избытия тождества; проимеющее в Себе равным образом и противоположности, будучи одной-единственной превосходящей тождественность Причиной всякой тождественности.

5. Другим Бог называется потому, что Он промыслительно соприсутствует всему и ради спасения всех становится «Всем во всём», пребывая в Себе неотлучным от Своего тождества, одним непрерывным действием и пребывая, и с непреклонной силой подавая Себя для обращения обращенных.

Следует обратить внимание на инаковость по отношению к Богу разных Его образов в многовидных явлениях, на какое-то отличие Являющего от являемого. Как ведь если, чтобы описать душу, мы позаимствуем образы у тела и свяжем части тела с тем, что не имеет частей, то, применив к таковому части, мы придадим им новое, свойственное душе, значение; используя их названия для обозначения способностей, мы скажем, что голова это ум, шея – мнение (как нечто посредствующее между словом и бессловесностью), грудь – гнев, живот –

желание, а ноги и ступни – природа; в гораздо же большей степени подобает священными разьяснениями таинственного очищать инаковость форм и образов, применяемых к Тому, Кто запределен всему. И если хочешь трехмерность тел применить к неприкасаемому и не имеющему образа Богу, то «шириной» Божией следует назвать сверхширокое на всех Божье исхождение, «длиной» распростертую над всем силу, а «глубиной» Его непостижимые для всех сущих сокровенность и непознаваемость.

Но чтобы за объяснением инородных образов и форм не позабыть нам самих бестелесных божественных имен, перемежая их чувственными символами, об этом мы скажем в «Символическом богословии». А сейчас заметим, что сам факт божественной инаковости нам следует понимать не как некую измену сверхнепреложному тождеству, но как Его единящее умножение Себя в единовидных плодотворных исхождениях.

6. Если кто-нибудь назовет Бога Подобным как полностью во всем непоколебимо и нераздельно Подобного Себе, нам не следует считать такое богоименование недостойным. Богословы говорят, что, все превосходя, Бог как таковой ничему не подобен, но Он дарует Божье подобие обращающимся к Нему, чтобы они по мере сил подражали Сущему выше всякого предела и слова. Божественному же подобию свойственна сила обращать все введенное в бытие ко всеобщей Причине. Таковое и следует называть подобным Богу и сущим «по божественному образу и подобию» (ср. [Быт. 1, 26](#)), ибо не Бог же тому подобен, равно как и человек не подобен своему изображению: подобными друг другу могут быть учиненные одинаково, и их можно взаимно уподоблять одного другому и оборачивать в обоих направлениях подобие их, и оба они могут быть подобны друг другу, соответствуя предваряющему их прообразу их подобия; у причины же и следствий такой взаимности допустить мы не можем. И способность быть подобными даруется ведь не только таким-то и таким-то: Бог есть Причина способности быть подобными всех причастных к подобию и является Субстанцией и самого самого-по-себе-подобия. И то, что у всех подобно, подобно благодаря некоему следу божественного подобия и способствует их единству.

7. И нужно ли что-то об этом говорить? Ведь само богословие почитает Его как Неподобного и всему Несообразного как от всего Отличающегося и – что еще более парадоксально – говорит, что нет ничего Ему подобного. Однако же это не противоречит сказанному о подобию Ему. Одно и то же и подобно Богу, и неподобно: подобно в той мере, в какой возможно подражать Неподражаемому, неподобно же потому что следствия уступают Причине, беспредельно, неизмеримо никакими мерами Ее не достигая.

8. Что же скажем о божественном «стоянии», или «сидении»? Что иное это может означать, как не то, что Бог пребывает в Себе Самом; что Он прочно укреплен и сверхутвержден в неизменном тождестве; что Он действует одинаково относительно того же самого одним и тем же образом; что Он пребывает из Себя неисходным, а по причине этой неизменности и полностью неподвижным, и притом сверхсущественно. Ибо Он есть Причина всякого стояния и сидения, и Он выше всякого сидения и стояния, и в Нем все составилось и по причине «стояния» собственных благ непоколебимо сохраняется.

9. Но что думать, когда богословы о во все Проходящем и Движущемся говорят как о Неподвижном? Не следует ли и это воспринимать подобающим Богу образом? Ведь Его движение надо представлять себе благочестиво, не как случайное изменение, превращение, либо колебание, или движение в пространстве, по прямой, или кругообразное, или и такое и такое одновременно, либо как умственное, душевное, или физическое, но как движение, которым Бог

приводит все в существование, все содержит, все всячески проразумевает и во всем присутствует неодолимым охватом всего, промыслительными выступлениями во все сущее и энергиями.

Так что да будет слову позволено и движения неподвижного Бога воспеть подобающим Богу образом. Движение по прямой пусть означает неизменность и неуклонное исхождение энергий и происходящее из Него бытие всего; движение по спирали – твердое исхождение и плодотворное стояние; движение по кругу – тождественность, охватывающую и середину, и края, и объемлющее, и объемлемое, и возвращение к Нему из Него происшедших.

10. Если же кто-то считает, что наименования Бога Тем же и Справедливостью имеют в Речениях смысл «Равный», то надо сказать, что Бог «Равен» не только как лишенный и умственное движение, в соответствии с которым действует ум, или частей и неизменный, но и как равным образом на все и сквозь все распространяющийся, как Субстанция самой-по-себе-равности, соответственно Которой все равно вмещают друг друга, каждый равно, согласно его способности, получает причастие, всем равно, по достоинству, раздается подавание, а также потому что всякое равенство – в уме, в разуме, в слове, в чувстве, в существе, в природе и желании – прежде того запредельно и объединение Он содержит в Себе, благодаря Своей превосходящей всякое равенство творческой силе.

Глава десятая

Об именах «Вседержитель» и «Ветхий денми», и здесь же о вечности и о времени

1. Пора многоименного Бога воспеть в слове и как Вседержителя и Ветхого денми. Первое говорится потому, что Он есть все поддерживающая, связывающая и объединяющая Основа, все в Себе неразрывно содержащая; все из Себя, как из корня, вседержительно производящая; все в Себя, как в пучину, вседержительно обращающая; все на Себе, как на все выдерживающем фундаменте, держащая; все поддерживаемое единым всеохватывающим объятием оберегающая и ничему погибнуть, даже от Нее отпавшему, как из всеобщего убежища изгнанному, не позволяющая. Богоначалие называется Вседержителем и как надо всем господствующее и, не смешиваясь, подданными управляющее, и как всеми желаемое и возлюбленное, и как ига желанные и сладкие муки божественной, вседержительной и беспечальной любви к своей благодати на всех налагающее.

2. Как Ветхий же денми Бог воспевается потому, что Он существует и как вечность, и как время всего, и до дней, и до вечности, и до времени. Однако и время, и день, и час, и вечность надо относить к Нему богоподобно, потому что Он при всяком движении остается неизменным и неподвижным, вечно двигаясь, пребывает в Себе и является Причиной и вечности, и времени, и дней.

Потому и в священных богоявлениях при мистических озарениях Бог изображается и как седой, и как юный: старец означает, что Он – Древний и сущий «от начала»; юноша же – что Он не стареет; а оба показывают, что Он проходит сквозь все от начала до конца; или же, как говорит наш божественный священносовершитель, оба они обнаруживают божественную древность: старец – первого во времени, а более юный – более изначального по числу, поскольку единица и ближайшие к ней числа из-начальной далеко от них отошедших.

3. Подобаает, мне кажется, узнать из Речений также природу времени и вечности. Ведь не все даже абсолютно нерожденное и поистине и всецело бесконечное они везде называют вечным и не все нетленное, бессмертное, неизменное и пребывающее постоянным, как, например, говоря: «Поднимитесь, двери вечные» ([Пс. 23, 7](#)) и тому подобное. Часто подобное наимено-

вание они применяют и к более древнему. Иногда они называют вечностью также и всю протяженность нашего времени, поскольку это свойственно вечности – быть древней, неизменной и измерять бытие в целом.

Временем же называют то, что связано с рождением, тлением, изменением и пребыванием то в том, то в другом состоянии. Почему богословие и говорит, что, ограниченные здесь временем, мы причастимся вечности, когда дойдем до нетленного и неизменного века. Речения же иногда имеют в виду и временный век, и вечное время, хотя преимущественно мы знаем из них, что Сущее по большей части и в собственном смысле слова называется и предстает вечным, а рождаемое временным.

Не следует, таким образом, думать попросту, что называемое вечным совечно предвечному Богу, но, неуклонно следуя за высокочтимейшими Речениями, вечное и временное подобает разуметь в соответствии с известными им образами. Между же Сущим и рождаемым – то, что отчасти причастно вечности, отчасти же времени. Бога же можно воспевать и как Вечность, и как Время – как Причину и всего времени, и вечности, и Ветхого денми, как до времени и выше времени Сущего и изменяющего «времена и лета», также и до веков Сущестующего, поскольку Он – и до вечности, и выше вечности, и Царство его – «царство всех веков». ([Пс. 144, 13](#)) Аминь.

Глава одиннадцатая

Об имени «Мир», о том, что означает «Само-по-себе-бытие», что такое «Сама-по-себе-жизнь», «Сама-по-себе-сила» и другое, таким образом выражаемое

1. Давай же мирными гимнами восхвалим божественный первособоранный Мир. Ведь Он всех объединяет и порождает и создает всеобщее единомыслие и согласие. Потому и желают Его все, что их разъединенное множество Он обращает в цельное единство и разделенных всеобщей междоусобной войной соединяет в однородное сообщество. Ведь именно благодаря причастности к божественному Миру старейшие из единящих сил объединяются внутри самих себя, друг с другом и с единым всеобщим Началом мира и объединяют находящиеся ниже них внутри них самих, друг с другом и с единым и совершенным Началом и Причиной всеобщего Мира. Нераздельно присутствуя во всем, словно некими скрепами соединяя разделенных, Он всему дает предел и границы, все оберегает и ничему не позволяет, разрушаясь, разливаясь в нечто бесформенное и неопределенное, беспорядочное и непостоянное, оказывающееся лишенным Бога, из своего единства изошедшим и, со всем перемешавшись, друг в друге растворенным.

Что же касается самого божественного Мира, – что Он такое, или Покоя, каковой священный Иуст называет невыразимостью и исходящей на все познаваемое Неподвижностью, – каким образом Он остается Миром и пребывает Покоем, существует в Себе и внутри Самого Себя, весь целиком в Самом Себе более-чем-объединяется, и входит в Себя, и многократно Себя умножает, и не оставляет единства с Собой и проходит во все, оставаясь внутри всего целым ради безмерного все охватывающего единства, – этого ни сказать, ни помыслить никому из сущих непозволено и невозможно. Но приложив к Нему невыразимость и непознаваемость как к Сущему превыше всего, рассмотрим – насколько это людям и нам, отстающим от многих добрых людей, возможно – Его умопостигаемые и называемые причастия.

2. И первым делом надо сказать, что Он есть Субстанция самого-по-себе-мира, мира в целом и мира во всех его проявлениях и что Он все друг с другом соединяет в неслиянном единстве, при котором все, нераздельно и нерасторжимо объединенное, остается однако же неповреж-

денным в свойственном каждому виде, неискаженным смесью с противоположным и ничуть не утратившим соединяющей правильности и чистоты.

Рассмотрим же некую единую и простую Природу мирного соединения, соединяющую все с Собой и друг с другом и сохраняющую все в неслитном охвате всего и несмешанным и соразмеренным. Благодаря Ей божественные умопостигаемые умы объединяются со своими мыслями и мыслимым и затем восходят к неведомому соединению с тем, что находится выше ума. Благодаря Ей души, объединив и сведя к единой умственной чистоте свои разнообразные идеи, шествуют подобающим им путем и чином через невещественное и лишенное частей разумение к сверхразумному Единству. Благодаря Ей, в Ее божественной гармонии, совершается неразрывное сплетение всего воедино и достигаются совершенное согласие, единодушие и союз без слияния соединяемого и неразделимо содержимого.

Ибо целостность совершенного Мира доходит до всего сущего с простейшим и беспримесным пришествием Его единотворящей силы, соединяя все и связывая края через середину с краями в едином равном сопряжении любви, даруя наслаждаться Им и наиболее далеко отстоящим пределам всего и все путем единения, отождествления, соединения и собирания породня; а божественный Мир при этом остается стоять нераздельным, в Едином открывающий все, через все проходящим и из своей собственной тождественности не выступающим, ибо Он доходит до всего и соответствующим образом передает Себя всем; и изливается избытком мирной плодотворности, и по чрезмерности единства пребывает Весь во всем всецело с Собой сверхобъединенным.

3. Но разве, спросит кто-нибудь, все желает мира? Многие ведь радуются разности и различиям и не хотят добровольно пребывать в покое. И если говорящий это скажет, что разность и различия – это свойство каждого из сущих и что ни единое существо среди сущих, каким бы оно ни было, никогда не захочет его потерять, на это и мы не станем возражать, но проявим таковое желание мира. Ведь все любят быть в мире и единстве с собой и от самих себя и от принадлежащего им не удаляться и не отпадать. А совершенный Мир есть Хранитель свойственной каждому беспримесной особенности, своими дарующими мир промыслами все сохраняющий не разделенным междуособицей и несмешанным с Самим Собой и друг с другом, неподвижной и неуклонной силой удерживая все во взаимном мире и неподвижности.

4. И если все движимое хочет не в покое пребывать, а совершать свойственное ему движение, то и это есть желание всеобщего божественного Мира, всех сохраняющего от самих себя неотпадшими и оберегающего особенность и подвижную жизнь всех движимых неизменной и неотпадной, в состоянии мира с самими собой и в той самой деятельности, какая им свойственна.

5. Если же тот, кто говорит о достигаемом путем отпадения от Мира различии, утверждает, что не все являются приверженцами мира, то лучше всего на это ответить, что нет ничего из сущих, что совершенно отпало бы от всякого единства. Ибо не существует и не бывает в сущих совершенно непостоянного, беспредельного, неутвержденного и несовершенного. Если же он скажет, что это люди, ненавидящие мир и свойственные миру блага и радующиеся раздорам, ссорам, вспышкам гнева и смятению, то – жалкие подобия стремления к миру удерживают и их, многообразными страстями обуреваемых, и их удержать неразумно желающих, и восполнением вечно утекающего надеющихся успокоить себя, обеспокоенных недостатком властвующих над ними наслаждений.

Что же можно сказать об изливающем мир Христовом человеколюбии, глядя на которое, мы учимся больше не воевать ни с самими собой, ни друг с другом, ни с ангелами, но по мере сил вместе с ними трудиться в божественном, в соответствии с Промыслом Иисуса, «все во всем» производящего и соделывающего от века предопределенный неизреченный мир, примиряющий нас с Ним в духе, а через Него и в Нем – с Отцом. Об этих сверхъестественных дарах довольно много говорится в «Богословских очерках», где вместе с нами свидетельствует и священное дуновение Речений.

6. Но поскольку ты некогда спросил меня письмом, что я называю самым-по-себе-бытием, самой-по-себе-жизнью, самой-по-себе-премудростью, и сказал, что недоумевал, почему я иногда называю Бога Самой-по-себе-жизнью, а иногда Субстанцией самой-по-себе-жизни, я счел необходимым, священный человек Божий, разрешить и это твое касающееся меня недоумение. И прежде всего, повторю и теперь сказанное уже тысячу раз: не противоречие это – называть Бога Самой-по-себе-силой, или Самой-по-себе-жизнью и Субстанцией самой-по-себе-жизни или мира или силы. В одном случае Он получает имя сущих, и особенно первоначально сущих, как Причина всех сущих, во втором же – как сверхсущественно превыше всех, в том числе и первоначально сущих, Сверхсущий.

О чем вообще, спрашиваешь ты, мы говорим как о самом-по-себе-бытии или о самой-по-себе-жизни, и что считаем абсолютно и изначально существующим и первоначально Богом установленным? Это, говорим мы, объяснить не сложно, и можно сделать это прямо и просто. Мы ведь не утверждаем, что само-по-себе-бытие есть какая-то божественная или ангельская сущность, являющаяся причиной бытия всего сущего, ибо у бытия всего сущего и у самого бытия – одно сверхсущественное Начало, одна Сущность и одна Причина. Не говорим мы и того, что жизнь происходит от другой божественности помимо сверхбожественной Жизни, являющейся причиной всего живущего, и самой-по-себе-жизни. Короче говоря, мы не считаем, что среди сущего есть какие-то изначальные творческие сущности и субстанции, кое-кем опрочетливо называемые богами и творцами сущего, каковых, поистине и прямо говоря, ни сами они не знали, поскольку те не существуют, ни отцы их. Бытием же и Самой-по-себе-жизнью (и Самой-по-себе-божественностью) мы называем – как нечто изначальное, божественное и являющееся Причиной – единое сверхначальное и сверхсущественное Начало и Причину всего, а как нечто причастное – подаваемые непричастным Богом промыслительные силы: самого-по-себе-осуществления, самого-по-себе-оживления, самого-по-себе-обожения, – соответствующим образом причащаясь каковым, сущее и является, и называется и сущим, и живущим, и обоженным, и тому подобным. Потому Благой и называется Создателем первых из них, потом их в целом, потом их по отдельности, потом тех, кто им в целом причастует, потом – кто отчасти.

И нужно ли об этом говорить, когда некоторые из наших божественных священноучителей Основой и самой-по-себе-благости, и божественности называют Того, кто превосходит и благость и божественность, говоря, что сама-по-себе-благость и божественность есть благотворящий и боготворящий дар, исходящий от Бога; а сама-по-себе-красота есть излитие способности быть красивым-в-собственном-смысле-слова, создающая и красоту в целом, и частичную красоту, в целом красивое и отчасти красивое; и другое, что таким образом говорится и будет говориться, призвано являть промыслы и блага, причастуемые сущими, избыточным излитием происходящие и проистекающие от непричастного Бога, чтобы Причина всего

оставалась строго за пределами всего, и сверхсущественное и сверхъестественное повсюду и всегда превышало всякую сущность и природу.

Глава двенадцатая

Об именах «Святое святых», «Царь царей», «Господин господ», «Бог богов»

1. Поскольку и об этом, сколько надо было сказать, до конца, как я думаю, сказано, подобает нам воспеть Бесконечно-именоваемого и как «Святого святых» (Дан, 9, 24) и как «Царя царствующих» (7 Тим. 6, 15; [Откр. 19, 16](#)), царствующего вечно, «на веки и далее», и как «Господина господ» (7 Тим. 6, 15; [Откр. 19, 16](#)) и «Бога богов» ([Пс. 49, 7](#)). И первым делом надо пояснить, что мы понимаем под самой-по-себе-святостью, что под царством, под господством, под божественностью и что Речения хотят показать, удваивая имена.

2. Ведь святость, насколько мы можем это сказать, есть свобода от всякой скверны и совершенная во всех отношениях незапятнанная чистота. Царство же – это распределение всяких ограничений, постановлений, законов и порядков. Господство же есть не только преодоление худшего, но и всесовершенное овладение всяким добром и благом и их истинное и надежное обеспечение. Почему «господство» и родственно словам «господин», «то-что-господствует», «господствующее». Божественность же есть всевидящий Промысел, все окружающий совершенной благодатью и содержащий. Она наполняет собой и превосходит все то, что пользуется ее Промыслом.

3. Эти имена должны быть абсолютным образом воспеты применительно ко все превосходящей Причине, а к ним должны быть прибавлены Превосходящая святость, Господство, Вышнее царство и Простейшая божественность. Из Нее ведь однажды внезапно произросла и распространилась всякая беспримесная законченность всякой безупречной чистоты, всякое учинение сущих и устройство. Она изгоняет всякую дисгармонию, неравенство и несоразмерность, радуется благочинному тождеству и правильности и ведет за Собой удостоенных причастовать Ей. Ей свойственны полное и совершенное обладание всем хорошим, всякий добрый промысел, наблюдающий и поддерживающий промышляемых. Себя Она благолепно подает для обожения обращающихся.

4. Поскольку все Причинивший преисполнен всем в единой все превышающей чрезмерности, Он и воспевается как Святой святых и прочим соответствующим переполняющейся Причине и Ее запредельному превосходству образом. Можно сказать: насколько святое, божественное, господское или царское превосходит не являющееся таковым, а само-по-себе-причастие – ему причастующих, настолько выше всех сущих пребывает Превосходящий все сущее, Непричастный всего – и причастующих, и причастия все Причинивший. Святыми же, царями, господами и богами Речения называют первых в соответствующем каждому из них чине, через которых вторые, причащаясь Божьих даров, умножают то, что им передается простым, в соответствии со своими особенностями, разнообразие каковых первейшие промыслительно и боговидно присоединяют к собственному единству.

Глава тринадцатая

Об именах «Совершенный» и «Единый»

1. О тех *именах* достаточно. Переведем, наконец, речь, если ты полагаешь *это* разумным, на само наиболее значительное *из имен*. Ведь богословие Причинившему все приписывает все, и все разом, и воспевает Его *как Совершенного* и *как Единого*.

Совершенен Он не только как самосовершенный, единообразно Сам Собой ограниченный и целиком в Своей целостности совершеннейший, но и как сверхсовершенный, потому что

превосходит все, всякую безмерность ограничивает, всякий предел преодолевает, ничем не будучи вмещаем и постигаем, но во все и выше всего простираясь непрерывными импульсами бесконечных энергий.

Совершенным Он называется также и как не увеличивающийся, но всегда совершенный, и не уменьшающийся; как все в Себе проимеющий и всем изливающийся в одном и том же непрерывном процессе преизбыточного неубывающего преподания, которым Он все делает совершенным и наполняет Своим совершенством.

2. Единым же Он зовется потому, что единственно Он есть – по превосходству единственного единства – всё и является, не выходя за пределы Единого, Причиной всего. Ибо нет в сущем ничего непричастного Единому. Ведь как всякое число причастно единице – и говорится «одна двойца», «один десяток», или «одна половина», «одна треть», «одна десятая», – так и все, и часть всего причастует единице, и существование единицы означает существование всего.

Причиняющий все не есть единица среди многих единиц: Он предшествует всякой единице и множеству и всякую единицу и множество определяет. Нет ведь множества, никак не причастного единице, но многое в частях едино как целое; многое привходящим едино подлежащим; многое числом или силами едино видом; многое видами едино родом; многое проявлениями едино началом. И нет ничего среди сущих, что каким-то образом не было бы причастно Единому, в своем единстве соединенно прообъемлющего все во всем, все в целом, включая противоположности.

Без единицы не получится ведь и множества, единица же без множества может существовать как единица, предшествующая всякому множественному числу. И если предположить, что все со всем объединено, все и будет целым Единым.

3. Кроме того, следует знать и то, что соединенное соединяется, говорят, в соответствии с про-замышленным видом каждого единого, Единое же является Основой всего. И если исключить Единое, не будет ни целого, ни части, ни чего-либо другого из сущего. Ибо Единое все единовидно в себе предымеет и объемлет. Потому-то богословие и воспеваает Богоначалие в целом как Причину всего, называя Его Единым. И «один Бог Отец», «один Господь Иисус Христос», «один и тот же Дух» *говорится* по причине высшей степени нераздельности целостного божественного единства, в котором все воедино собрано и соединено и существенно присутствует.

Почему все по справедливости и восходит и возводится к *Богоначалию*, благодаря Которому, из Которого, *Которым*, в Котором и в Которого все существует, составлено, пребывает, содержится, восполняется, и возвращается. И не найти в сущем ничего, что являлось бы тем, чем оно является, совершенствовалося бы и сохранялось бы не благодаря Единому, как сверхсущественно именуется вся Божественность.

И подобает и нам, обращаемым силой божественного единства от многого к Единому, единым образом воспеть цельную и единую Божественность – Единое, являющееся Причиной всего, предшествующее всяким единице и множеству, части и целому, границе и безграничности, пределу и беспредельности, все сущее и само Бытие ограничивающее, единообразно являющееся Причиной каждого и всех в целом, а вместе с тем пребывающее до всех и выше всех, выше самого Единого Сущего, само Единое Сущее ограничивая, если только Единое Сущее причисляется к сущим. Число ведь причастно сущности, Сверхсущественное же Еди-

ное ограничивает и Единое Сущее, и всякое число, и Само является Началом, Причиной, Числом и Порядком и единицы, и числа, и всего сущего.

Почему все превышающая Божественность, воспеваемая как Единица и как Троица, и не является ни единицей, ни троицей в нашем или кого-нибудь другого из сущих понимании. Но мы называем и Троицей, и Единицей превышающую всякое имя и сверхсущественную по отношению к сущим Божественность, чтобы по-настоящему воспеть Ее сверхобъединенность и богородность. Ведь никакая единица, никакая троица, никакое число, никакое единство, ни способность рожать, ни что-либо другое из сущего, или кому-нибудь из сущих понятное не выводит из все превышающей, и слово, и ум, сокровенности сверх всего сверхсущественно сверхсущую Сверхбожественность, и нет для Нее ни имени, ни слова, потому что Она – в недоступной запредельности.

И даже само имя Благодать мы применяем к Ней не потому, что оно подходит, но потому что, желая что-то понять и сказать о Ее неизреченной природе, мы первым делом посвящаем Ей почетнейшее из имен. И хотя и в этом мы как будто соглашаемся с богословами, от истины в положении дел тем не менее мы далеки. Почему они и отдали предпочтение восхождению путем отрицаний как изымающему душу из сродного ей, проводящему через все божественные разумения, по отношению к которым Тот, Кто выше всякого имени, всякого слова и знания, запределен, а в результате всего соединяющему с Ним настолько, насколько возможно для нас с Ним соединиться.

4. Собрав вместе эти умопостигаемые имена Божий, мы открыли, насколько было возможно, что они далеки не только от точности (воистину это могут сказать ведь и ангелы!), но и от песнопений как ангелов (а низшие из ангелов выше самых лучших наших богословов), так и самих богословов и их последователей, или спутников, и даже самых скромных среди нас единачинных. Так что, если сказанное справедливо и нам по мере наших сил на самом деле удалось разъяснить смысл божественных имен, то это надо отнести к Причине всех благ, дарующей сначала саму способность говорить, а потом способность говорить хорошо.

Даже если какое-то из равных по силе имен оказалось упущенным, и его нам следует понимать точно таким же образом. Если же это неверно или несовершенно и если мы частично или полностью уклонились от истины, дело твоего человеколюбия исправить то, что вопреки желанию мы не поняли, дать разъяснение желающему научиться, прийти на помощь тому, у кого недостаточно сил, и утешать не желающего болеть, одно у себя находя, другое у другого, а все у Добра получая и нам передавая. Не уставая, благодетельствуй дружественному человеку. Ты ведь видишь, что никакое из переданных нам священно-начальных слов мы в себе не сокрыли, но передали их неизменными вам и другим священным мужам и еще передадим, насколько мы будем в силах говорить, а те, кому говорится, – слушать, ни в чем предания не искажая, если только в способности понимать или излагать их не ослабеем. Но это, как Богу нравится, пусть так и будет, и говорится. У нас же да будет это концом разъяснению умопостигаемых Божьих имен. Богом ведомые, перейдем к «Символическому богословию».

* * *

1

праведен_

2

В [Пс.11](#)– "уста":

3

Ссылка неверна. – Редакция «Азбуки Веры»
[4](#)

Ссылка неверна. – Редакция «Азбуки Веры»

Источник: Мистическое богословие Восточной Церкви. Харьков, 2001. с.386-571.

Вам может быть интересно:

1. [Православие. Том 1 – Глава II. Бог](#) – митрополит Иларион (Алфеев)
2. [Православно-догматическое Богословие. Том 2](#) – митрополит Макарий (Булгаков)
3. [Догматическое богословие – РАЗДЕЛ III. О БОГЕ СПАСИТЕЛЕ И ОСОБЕННОМ ОТНОШЕНИИ ЕГО К РОДУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ](#) – протоиерей Олег Давыденков
4. [Бог и человечество](#) – митрополит Каллист (Уэр)
5. [Симфония по творениям преподобных Варсануфия Великого и Иоанна](#) – преподобные Варсонофий Великий и Иоанн Пророк
6. [О Таинственном Богословии](#) – Дионисий Ареопагит
7. [Апофатическое богословие в учении святого Дионисия Ареопагита](#) – профессор Владимир Николаевич Лосский
8. [Слова](#) – святитель Григорий Богослов
9. [Творения. Том VIII](#) – святитель Григорий Нисский
10. [Вопросоответы к Фалассию](#) – преподобный Максим Исповедник